

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ НАРЦИССА
Современная трагедия в пяти актах

Действующие лица:

Нарцисс
Воины
Три странствующих монаха
Венера
Эхо
Местные пожилые жительницы
Два осла

Действие происходит не то где-то в большой Евразии, не то в маленькой Чечне, а может уже и в вашей стране. А может и пронесёт. Всё зависит только от вашей неукротимой фантазии.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Лес

Три странствующих монаха, два осла

1-й монах: - Так что же там было?

2-й монах: - Что с ними стало?

3-й монах: - Они так пахли грустью... Они так пахли грустью! Милые, бедные девушки, которые собирали урожай и ждали осень. Какое красивое было начало. Они стояли, нагнувшись под послеполуденным солнцем, и запах их сладкого пота смешивался с ароматом медовых яблок. *(Бьет себя плеткой)*. Их соски набухли от тяжести молодого молока, и как бутоны пионов откровенно покраснелись от прилива юной игристой крови. Даже многолетние опытные пчелы принимали их за цветки и роем лепились возле них, желая отведать их липкий сок. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - Они их не жалили в грудь?

3-й монах: - Да что ты! Они нежно слизывали струящуюся в глубь платья густую сладость, предназначенную на ужин их детям-младенцам, и только небольшую часть улова относили в свой шумный улей. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - Это не больно?

2-й монах: - Разве нежность может быть болью? *(Бьет себя плеткой)*.

1-й монах: - Я молод. Я не знаю.

2-й монах: - Тогда внимательно слушай, что было дальше. *(Удар плетки)*.

3-й монах: - Боль появилась потом, когда влажными стали не только их груди, руки и лица, а когда вечерняя роса стала принимать форму капель, и дети этих грустных крестьянок стали плакать от голода. *(Удар плетки)*. От голода стали плакать проходившие мимо воины. Женщины предложили им все, что могли кроме своего молока, предназначенного младенцам. А именно его так хотелось всем: и детям, и пчелам, и воинам, и даже мне... *(Удар плетки)*.

2-й монах: - Как вкусно ты рассказываешь. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - Замечательно. *(Бьет себя плеткой)*.

3-й монах: - На самом деле это был только предлог. Воины не всегда хотят есть, а только когда им приказывают. Они брезгливо возбуждали в себе чувство голода, и, наконец, проголодались. *(Удар плетки)*.

2-й монах: - Мужчины в форме должны есть.

3-й монах: - Но это было не то чувство голода, когда надо срочно заполнить сырым мясом призывную утробу. Это то редкое чувство, когда душа в военной форме, набрав безнаказанно силу, может бесплатно у беспомощных выпивать человеческое молоко. Но молодые женщины, несмотря на приказ, отказали воинам в молоке. Они их обидели тем, что согласились на смерть. *(Удар плетки)*.

2-й монах: - А обиженная злость и мягкая безропотность только усиливает чужой аппетит. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - И как они его усмирили? *(Удар плетки)*.

3-й монах: - Воины сначала попробовали их глаза, их смелые глаза, обильно пропитанные домашней правдой. Быстро проглотив аперитив, воины захотели избавиться от деликатесных рук. Руки бывают опасны для жизни, когда с ними грубо обращаются при готовке. Но воины знали толк в мастерстве кулинарии. Они правильно их заломили и быстро справились с салатом из рук, а потом перешли к первому блюду – холодной похлебке из острых языков и перченых проклятий, облитых обжигающим соком лимона. Душе в форме не очень приятны эти фразы, но воины уже давно привыкли поглощать это изощренное кушанье. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - На их месте я начал бы с языка.

2-й монах: - На их месте лучше тебе не быть.

3-й монах: - А потом перешли к горячему. Человеческие мозги! Их надо долго и тщательно промывать, чтобы нечаянно не принять в пищу ядовитые для здоровья и общества куски, зараженные опасной инфекцией. Воины разделали мозги и зажарили их вместе с такими неразборчивыми по слуху ушами. Остальные части тела оказались неинтересны для кухни народов мира. Их покровсали на десерт и выбросили. *(Удар плетки)*.

2-й монах: - Как рыбью чешую в помойное ведро. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - Печально очень. *(Удар плетки)*.

3-й монах: - И тогда все грудное молоко, из-за которого началась эта история, вылилось, смешалось с кровью и весело потекло к ближайшему морю. Но на полпути оно прокисло и свернулось. А фруктовые деревья молча глядели на изумленные от обиды тела крестьянок и с вечерним сомнением посыпали их первыми пожелтевшими листьями, пока те окончательно не пропали из виду. *(Удар плетки)*.

1-й монах: - Скажите мне, молодому: им было больно отказывать воинам?

2-й монах: - Когда все время больно, уже совсем не больно.

3-й монах: - Воистину! *(Удар плетки)*.

Все скромно бьют себя.

1-й осёл: - Слышишь, Серый? Какую плохую музыку извлекают люди из этих плёток?

2-й осёл: - Потому что плётки играют не на наших спинах, а на плечах наших хозяев.

1-й осёл: - Главный хозяин бьет наших хозяев, а наши хозяева бьют нас, и все эти годы на наших спинах гремел самый лучший тяжелый рок.

2-й осёл: - Да, Малой. У меня только двадцать пять процентов шкуры осталось нетронутой.

1-й осёл: - А остальные семьдесят пять процентов?

2-й осёл: - А остальные изнывают от какой-то жалкой разрешенной музыки. А я так порой любил слушать старый славный запретный свист на плетках.

1-й осёл: - Прекрасное было время.

2-й осёл: - Помнится, по молодости пришел я как-то в стойло на танцы. Сижу на соломе, погоде осенней радуюсь, и тут приходят две ослицы со значками одиозными на крупе. Я

им говорю: «Привет, ослицы! Чего такие скучные?». А они мне отвечают: «Мы не скучные. Мы никак обрадоваться не можем. По-настоящему, как некоторые. Даже разозлиться не получается». Я поинтересовался: «Может с вами что-то не так?». Они долго думали, что же с ними не так. Вроде такие же, как я, а оказалось потом, что они в музыке любят только официальный всеобщий ослиный рёв. Ну, ты представляешь, Малой, это зрелище, когда откормленные ослы устраивают свое сборище в большом сарае. Приходит главный осёл, и все поют в позорном порыве, с таким ослиным шовинистическим надрывом и чуть ли не со слезами в глазах от переполнения собственного пафоса: «Иа! Иа! Иа! Иа!». Я двум ослицам и ответил, что это мой самый ненавистный в жизни звук, и отказался с ними брыкаться.

1-й осёл: - Что-что, а брыкаться как надо мы, ослы, всегда умели.

2-й осёл: - Только не с такими дурными ослицами. Или с людьми.

1-й осёл: - А с людьми почему нельзя брыкаться?

2-й осёл: - Ой. Брыкаться-то можно, но понимаешь, Малой, у людей все происходит под музыку. Плохое настроение под музыку и любовь под музыку. Классическая любовь под нетрадиционную музыку, а нетрадиционная любовь под классическую музыку. Веселые похороны, кровавые свадьбы, порочные зачатия и непорочные рождения, радостные разводы и так далее, далее, далее – всё тоже под музыку. И порой под такую нестройную, неладную, так им, людям, неподходящую и неподобранную по смыслу музыку. Как вот сейчас. Этим людям и так плохо, зачем еще плетками озвучивать это? Посмотри на них, Малой. Их и так бьют, так еще и они себя.

1-й осёл: - Когда сам себя – не так обидно, а некоторым даже приятно.

2-й осёл: - Ой, Малой, пошутил.

1-й осёл: - Странные люди. Как быстро они все полюбили боль. Страна мазохистов.

2-й осёл: - Целая страна мазохистов. И в этой стране мы с тобой два разочарованных в жизни осла.

Оба задумались о жизни.

1-й монах: - Скажите мне, кто воинам отдал такой приказ, который при самых страшных спазмах в области желудка другой стеснялся бы исполнить, потому что он краснел бы от своего поступка ярче, чем цвет крови? *(Удар плетки).*

2-й монах: - Как кто? Скорее всего, он. *(Удар плетки).*

1-й монах: - Он? *(Удар плетки).*

2-й монах: - Нарцисс. *(Удар плетки).*

1-й монах: - Он тоже участвовал в этом жутком обеде? *(Удар плетки).*

3-й монах: - Нарцисс никогда не ест с воинами. Он сыт своим превосходством, силой и гордостью. Но иногда он ест лениво и вальяжно, никогда не задумываясь о ненасущной пище. *(Удар плетки).*

1-й монах: - Говорят, что он очень красив. *(Удар плетки).*

2-й монах: - Его почти никто не видел. *(Удар плетки).*

1-й монах: - Как никто не видел? *(Удар плетки).*

2-й монах: - Почти никто. Вблизи. *(Удар плетки).*

3-й монах: - Такие люди встречаются редко в природе. Они почти не видны, но всегда присутствуют в твоей жизни. *(Удар плетки).*

1-й монах: - Тогда откуда, из каких ветров и мыслей возникли все эти разговоры о его красивом лице? *(Удар плетки).*

3-й монах: - Это миф. Для одних он действительно очень красив, как тропическая тень в летний зной. Для других он неприятен, как теплая водка воскресным днём. Все зависит от того, какими глазами ты на него смотришь: приниженными или открытыми, с ужасом

или притворно ласково. Поэтому разные взгляды рожают разные чувства – или безоговорочного обоготворения Нарцисса или полного омерзения от его вида. Но, так или иначе, кто может судить о его красоте, если взгляды у всех разные? (*Удар плетки*).

1-й монах: - Я подумал, что красивые люди не могут отдавать такие приказы. (*Удар плетки*).

2-й монах: - В этих приказах и погибает его красота. (*Удар плетки*).

3-й монах: - Но его приказы почти никто не слышал. И неизвестно, Нарцисс их отдавал или они приснились воинам, когда им чудилось под утро грудное молоко крестьянок. (*Удар плетки*).

2-й монах: - Неизвестно или все-таки понятно? (*Удар плетки*).

3-й монах: - Конечно, понятно, но так всё неизвестно. (*Удар плетки*).

1-й монах: - Так же, как боль. Так понятна и так непостижима... (*Удар плетки*).

2-й монах: - Как молод ты и прав. Я думал, что к боли можно привыкнуть. Но это не так. (*Удар плетки*).

3-й монах: - Тот, кто постигнет боль, тот достигнет мудрости. (*Удар плетки*). Но почему же мне так больно? (*Умирает*).

2-й монах: - В этой стране так больно жить...

1-й монах: - ...и так больно умирать...

В страхе бросают плетки.

1-й монах: - Что будем делать?

2-й монах: - Его надо похоронить в хорошем месте. Лучше рядом с погибшими девушками. Земля там мягкая, увлажненная их молоком и кровью. Ее будет легко копать, и ему там будет слаще и теплее.

1-й монах: - Но где это место?

2-й монах: - А ведь действительно! Мы ничего не знаем, а воины не скажут, где спрятаны тела. Они не то пропали под листьями деревьев, не то укрылись мхом зелено-изумрудным, не то растаяли на поле как медузы, нечаянно попавшие на землю.

1-й монах: - Разве люди могут, как медузы, просто так пропадать?

2-й монах: - Тс-с-с. На наших полях может произойти всё, что угодно. Даже чудо исчезновения.

1-й монах: - Тогда это великое чудо.

2-й монах: - Самое великое в наши дни.

1-й монах: - Давай найдем другое место для прощания с покойным. Мы взвалим его на осла, что крупнее телом, и уйдем скорей отсюда. Холодает.

2-й монах: - Но сначала помолимся за душу.

Молятся.

1-й осёл: - Как ты думаешь, Серый, ты крупнее меня?

2-й осёл: - Крупнее тебя? Хм. Смотря с какой стороны за мной наблюдать.

1-й осёл: - Если за тобой наблюдать с поезда, идущего с восточных русских лесов, то это будет напрасно. Тебя не заметят. Слишком ты заурядный для них осёл.

2-й осёл: - Несомненно.

1-й осёл: - Если смотреть с самолета, летящего с севера, то ты будешь для них не приметной точкой. Если присмотреться на тебя в бинокль с западных гор, то ты, несомненно, вызовешь для них некоторый коммерческий интерес. Ну а если кто-то будет сидеть в южных подсолнухах и издали любоваться тобой, то эта крупная любовь вызовет даже у меня большую зависть.

2-й осёл: - С этих сторон я себя не представлял в разрезе. Я думал, Малой, что ты меня оценишь проще – сверху или снизу.

1-й осёл: - Ну, знаешь, милый друг, чем рассматривать твой вид и в профиль и в анфас, уж лучше оценивать тебя по весу. Это весомое занятие - перевозить на себе трупы в мир иной в наш шаткий век.

2-й осёл: - Век расшатался, и страшней всего, что я рождён на своей спине везти его.

1-й осёл: - Нет ничего страшнее для хозяев начитанного умного осла.

2-й осёл: - Пускай боятся.

1-й осёл: - Боюсь, что бояться им недолго.

2-й осёл: - Своими длинными ушами я слышу приближение людей.

1-й осёл: - Вперед на поиски могилы!

За сценой раздаются громкие и протяжные крики женщин.

1-й монах: - Сюда стремятся люди!

2-й монах: - Как некстати!

1-й монах: - Встревожил кто-то вечерний мировой покой. Надо удаляться потихоньку.

2-й монах: - Окончена молитва, мы уходим.

Монахи кладут труп на осла. Все уходят.

Сцена вторая

Там же

Местные пожилые жительницы

Жительницы: - Быстрее! – Скоро будет поздно! - Быстрее! – Скоро будет поздно! – Ищите их! - Солнце садится! - Доченька! – Дочка! – Солнце садится! – Сколько можно работать? Хватит трудиться! – Чем же поля их взволновали? – Дети проснутся, нечего кушать! - Доченька! – Дочка! – Эх! Солнце садится! – Урожай подождет! Осень не близко! - Чем же поля их взволновали? – Нет нигде их? Может, погибли? – Может, гуляют? - Доченька! – Дочка! – Нигде не видно! - Чем же поля их взволновали? – Как же обидно! Солнце садится! – Чувствую сердцем: что-то случилось! – Дети проснутся, нечего кушать! - Доченька! – Дочка! – Какие стога их в сено забрали? – Хочется плакать! - Только нашлись бы! – Детей накормите, гуляйте хоть сутки! – Младенцы рыдают! – Солнце садится! – Что же случилось? – Хватит трудиться! - Доченька! – Дочка! – Какие стога их в сено забрали? – Хватит работать! Осень не близко! – Дети проснутся, нечего кушать! - Доченька! – Дочка! – Старые стали матери ваши! Ржавые очень! – Ноет простуда! - Ржавчина точит ржавые груди! – Мы ж не накормим деточек ваших! – Куда вы пропали? – Мы заржавели на поле проклятом! – Доченька! – Дочка! - Солнце садится! - Грудь засохли! Детей накормите! – Накормите детей и гуляйте, сколько хотите! – Гуляйте всю жизнь, если жить так хотите! – Солнце садится! – Боже! Темнеет! – Доченька! – Дочка! - Чем же поля их взволновали? - Какие стога их в сено забрали? – Как же найти их? – Рыдайте так громко, чтоб до звезд доносилось! – Быстрее! Ищите их! - Терзайтесь так мощно, чтоб сердце разбилось! – Доченька! – Дочка! – Что вы творите? - Детей вы убьете! – Боже! Темнеет! - Нас до могилы вы доведете! – Боже, как страшно! – Темно и не видно! – Только нашлись бы! – Нет в живых их! – Что говоришь ты? – Как же обидно! – Быстрее! Быстрее! - Твари вы старые! Несите резвее! – Всё! Мы устали. – Сердце не ноет. – Слезы не льются. - Несите резвее! – Сердце не ноет. – Горло не стонет. – Темно и не видно! - Несите резвее! – Твари вы старые, что же вы сели? – Резвее бежать мы не умеем. - Темно и не видно! – Можешь одна ты кричать до рассвета. – Больше бежать мы не умеем. – Буду кричать я до конца света: Доченька! Дочка! Доченька! Дочка! – Надо домой возвращаться. – Так страшно. Чем мы внуков накормим

кричащих? – Надо домой возвращаться. – Разотрем свои старые груди. Может, они не поймут. – О грудном молоке позабудут. – Что говорит она, старая дура? - Как растереть их? - Ржавчину снять как? – Надо домой возвращаться. – Хоть топором её обрубите, хоть тесаком морщины снимите. – Доченька! Дочка! – Да не шуми ты! – Пойдемте, подруги. – Хоть обманулись бы все наши внуки. – Доченька! Дочка! – Глупая баба, чтоб ты пропала! - Доченька! Дочка! – Мы возвращаемся. – Не слушают ноги, не слушают руки. – Как дойти нам до дома? – Мы возвращаемся. - Ползите, подруги. – Ползите резвее, внуки там плачут. – Ползите, как змеи. Ползите, как гады. – Может, успеем. – Ползите, так надо! – Доченька! Дочка! – Меня подтолкните. – Какие мы старые. - Пока ползёте, влажной листвою груди трите. – Меня подтолкните. - В ночной траве сухую грудь размягчайте. – Доченька! Дочка! – Боже! Проклятье!

Сцена третья

Край поля

Два осла

1-й осёл: - Помедленнее. Помедленней! И зачем мы сбежали? Зачем я, осёл, тебя послушал?

2-й осёл: - Значит, правильно послушал.

1-й осёл: - Правильно! И именно ночью?

2-й осёл: - Ты думаешь, нет ничего страшнее ночи? Ночь пройдет, а многие страшные вещи остаются на несколько сроков.

1-й осёл: - Но это безумство среди ночи искать где-то спрятанные трупы женщин.

2-й осёл: - Да, безумство. Да, я знаю. Но это прекрасное безумство! В нём проявляется мое отношение к происходящему. Я хочу этой ночью быть безумным ослом. Хочешь, я укушу тебя за шею?

1-й осёл: - Вот ещё!

2-й осёл: - Какая аппетитная серая шейка! (*Кусает Малога*).

1-й осёл: - Больно! Что за дикие приступы бешенства?

2-й осёл: - Это дикие приступы справедливости! Знаешь, Малой, какая самая приятная вещь в мироздании, истинно радующая нас от передних до задних конечностей? Это справедливость, которая наступает. Рано или поздно, но наступает. Конечно, справедливость – уж очень такая инфантильная ослица, которая часто болеет или уходит в долгий творческий отпуск, а бывает, что до конца нашей жизни так и не появляется к нам на встречу, но она всё равно наступает и побеждает! И я хочу до конца этой ночи вызвать дух справедливости. Пусть маленькой и болезненной, но кто-то когда-нибудь где-нибудь увидит и сорвет её сочные плоды.

1-й осёл: - Как это всё тревожно.

2-й осёл: - Оооо! Так ты не романтик!

1-й осёл: - Да, а вот за твою справедливость потом справедливо получить по длинным ушам – будет очень романтично.

2-й осёл: - И получу по длинным ушам! А что ещё мне делать, если у меня такие длинные уши, которые так отчетливо улавливают все вопли несчастных старух? У людей короткие уши и избирательный слух, и никто из них не услышал беспомощные старческие крики. А мы слышали. А мы сбежали. А мы поможем. А мы получим по ушам, если надо будет получить по ушам.

1-й осёл: - А почему мы? Ты.

2-й осёл: - А ты?

1-й осёл: - А я не пойду дальше.

2-й осёл: - Почему же?

1-й осёл: - Аааа... Ты меня не любишь.

2-й осёл: - Хорошо, оставайся. Я побежал дальше.

1-й осёл: - Да подожди ты, упрямый осёл.

2-й осёл: - Что ещё?

1-й осёл: - Я не успеваю догонять твои мысли.

2-й осёл: - Беги резвее, тогда догонишь. Пока ты догонишь только свой собственный страх, и ни разу не попробовал обойти его так быстро, чтобы навсегда убежать от него.

1-й осёл: - Мне страшно убежать от него. Вдруг там будет ещё страшнее? Что мне тогда делать?

2-й осёл: - Вот этого я, если честно, не знаю. Не знаю, Малой, что делать там. Я только знаю, что здесь я уже не могу, а там может и не будет страшно. А если даже и будет – так что ж? Зато между двумя страхами я проживу в стремительно изящном темпе приятное время на ощупь.

1-й осёл: - Ой. Кажется, мои копыта что-то нащупали. Это уже трупы?

2-й осёл: - Да, это они...

1-й осёл: - Мамочка!

2-й осёл: - ... трупы мертвых деревьев.

1-й осёл: - Что?

2-й осёл: - Пни.

1-й осёл: - Пни? Давай на них присядем. Чуточку. Немножко.

2-й осёл: - ОК. Но только чуточку.

1-й осёл: - Помнишь, когда мы были маленькими ослятами и жили в деревне, старый козёл рассказывал нам сказки о том, что ослам живется лучше всех на свете. Вовремя корм дают, ветеринары лечат нас задаром, на пастбище нас выводят бесплатно, учат нас работать, носить воду и поклажу тоже бесплатно.

2-й осёл: - Помню. И что?

1-й осёл: - А ещё старый козёл говорил, что в других полях всё очень плохо, а особенно в лесах.

2-й осёл: - Тоже помню. И что?

1-й осёл: - Да вот что-то мне и в родных полях не очень хорошо. И в лесу тоже. Всё бесплатно, вовремя и замечательно. Но только всё не так прекрасно, как говорил козёл.

2-й осёл: - Что толкового мог рассказать старый козёл? Может, он тогда находился в старческом маразме или с малолетства из маразма не выходил. Козёл и есть козёл. Всё! Побежали.

1-й осёл: - Ага. Наши дальнейшие действия?

2-й осёл: - Высохшие трупы деревьев должны нас вывести к свежим трупам крестьянок. Еще нам будет помогать ночной и встречный ветер. Его мы будем осторожно вдыхать в себя.

1-й осёл: - Что мы должны чувствовать в ветре? Я не знаю, как пахнут женщины, покинутые жизнью.

2-й осёл: - Мы должны почувствовать жалость, смешанную с запахом летних грибов и хвои.

1-й осёл: - Как пахнет жалость?

2-й осёл: - Очень резко. Можно даже потерять сознание.

1-й осёл: - Теряю. *(Падает в обморок).*

2-й осёл: - Нашлись! Нашлись! Как повезло нам! Малой, очнись. Ты совершил подвиг.

1-й осёл: - Подвиг? Правда?

2-й осёл: - Правда! Это всё равно, что открыть новую землю. Наше великое открытие должно перевернуть все прежние застывшие представления о местном мироздании, оно даст толчок к новым открытиям, и люди поймут, что в их дремучих лесах спрятано много интересного и важного, о чем они даже не догадывались.

1-й осёл: - Прекрасно!
2-й осёл: - Только эти реликтовые дебри надо прорубить и выкорчевать со всеми запутанными ненужными корнями. Малой, очнись! Ну же!
1-й осёл: - Серый, как ты мне дорог.
2-й осёл: - И ты мне очень!
1-й осёл: - Что теперь?
2-й осёл: - Теперь? Что теперь? Да! Носись по полю и сбивай листву копытами. Только очень аккуратно бегай. Не повреди копытами тела умерших. Иначе дело это свалят на ослов, конечно.
1-й осёл: - Боюсь, что без следов и следствия ослов и так подставят.
2-й осёл: - Ослы всегда найдутся в нашем стойле.
1-й осёл: - При случае произнесем за ослов первый тост.
2-й осёл: - За ослов!
1-й осёл: - За всех ослов!
2-й осёл: - Ну что? Помчались?
1-й осёл: - Айда носиться!

Ослы резвятся по ночному полю.

1-й осёл: - Вот вроде бы и всё.
2-й осёл: - Теперь заметно.
1-й осёл: - Хотя сейчас еще не видно.
2-й осёл: - Но завтра утром откроется всем мрачная картина правды с поблекшими героинями на первом плане, с потрескавшимися акациями по бокам вдали и с тремя невзрачными снопами льна на заднем фоне.
1-й осёл: - Васильков только не хватает для полного порядка.
2-й осёл: - И аиста на небе.
1-й осёл: - Пейзаж унылый предстоит увидеть.
2-й осёл: - Все уже привыкли.
1-й осёл: - А что же мы?
2-й осёл: - Свое мы дело провернули и можем идти прямо, пока не кончится внезапно дорога у реки заросшей.
1-й осёл: - Или у обрыва.
2-й осёл: - Или у шлагбаума, где нельзя уже идти...
1-й осёл: - ... без справки разрешительной на выезд.
2-й осёл: - А можем и назад вернуться.
1-й осёл: - Значит, два у нас пути?
2-й осёл: - Только два: или возвратиться к прежним хозяевам или обрести новых.
1-й осёл: - Несчастные и глупые ослы с двумя путями.
2-й осёл: - Может, мы и несчастные. Может, мы и глупые. Но один раз мы с тобой были смелыми.
1-й осёл: - Сегодня мы стали смелыми.
2-й осёл: - А еще, Малой, я сегодня был горд за тебя. За то, что ты, наконец, догнал меня. Ты молодец! Несчастный, гордый, смелый, глупый молодец.
1-й осёл: - А несчастных, гордых и глупых ослов надо особенно бояться. Бояться, когда им ничего не остается, как быть смелыми.
2-й осёл: - А вернуться назад – ведь это тоже большая смелость.
1-й осёл: - И получить нового хозяина – тоже большая смелость.
2-й осёл: - Так что? Возвращаемся?
1-й осёл: - Пожалуй! За тобой я готов бежать хоть с босыми копытами по снегу.

2-й осёл: - Ну не надо уж так, безумный ты мой.

1-й осёл: - Хочешь, я укушу тебя за шею?

2-й осёл: - Вот ещё!

1-й осёл: - Какая у тебя, Серый, классная шейка! А ушки! Какие шикарные длинные ушки!

2-й осёл: - Осёл-маньяк! Спасите!

1-й осёл: - Все равно я тебя догоню!

2-й осёл: - Помогите!

1-й осёл: - Все равно догоню!

Ослы счастливо убегают.

Сцена четвертая

Там же

Эхо

Эхо: - Где я? Что я? Это я? И я жива? Я жива. Какая наглость. Всё-таки я жива. Как стыдно быть живой, когда все умерли. Нет, не умерли. Они устали. Они сильно устали от полного непонимания. А мертвые другие. Их так много, мертвых. Мертвых от своего равнодушия и примирения. Они даже не знают, насколько они мертвы. Они думают, что если их тела накачали кровью и кислородом, забетонировали их кости раствором мышечной массы и натянули элегантно кожей, то они еще живы. Как они не правы, эти мертвые люди. И как стыдно быть мертвым, когда есть еще и живые. Ой, как шелестит листва. Меня там кто-то слышит или показалось? Везде есть уши, уши, уши. Шелестит листва. Шелестит. Ла-ла-ла-ла-ла-ла. Я жива. И все-таки я жива. А мне стыдно. Лучше бы я устала вместе со своими подругами. Но, видно, не так много я проработала, чтобы от усталости упасть смертельно сонной у края поля. Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла. Сначала было глупо прятаться от воинов, почувывших наше присутствие. Мы были обречены на смирение. Но нам так хотелось жить так, как мы сами придумали жизнь. Но нам не давали таких перспективных возможностей. Нам отказали в мечтах, а мы отказали воинам. Шелестит листва. Ой, шелестит. Кругом уши, уши, уши. Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла. И воины собрали свой урожай. Они успели его собрать, пока не начались проливные дожди. Дожди нас не испортили. Да и не могли. Летний дождь не такой нахальный, как кажется. Он быстро высыхает на прикушенных губах. Ла-ла-ла-ла-ла-ла. Боже, как красиво он падал. Его капли меня возбуждали. Заставляли меня трепетать и чувствовать радость. Он стекал весь по мне и очищал мои мысли. С тех пор они стали настолько ясными, что стало тяжело дышать. Наши насыщенные мысли многие стремились заполучить, настолько они привлекательны по виду. Особенно вчера, когда они налились свежим ароматом и вскоре, ранней осенью могли забродить. Как шелестит листва! Аромат наших созревших мыслей очень притягателен, как запретный плод. Воины учуяли его, и никогда бы уже не потеряли нас по запаху. Им повезло. Они успели собрать урожай до начала дождя. Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла! Чистого летнего дождя, который нас не портит. Но лучше бы он меня испортил. Лучше бы он забрызгал мои мечты, девичьи непонятные мечты, сомнительные мысли, неправильные и оскорбительные, и в наше время такие редкие, как исчезающий в природе вид. Мы исчезли. Ой, и ветер лукавит. Слушают чужие уши. А ветер лукавит. Так лукавит, так лукавит, проказник – ветер. Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла. Только я жива. Маленький гектар неубранного урожая. И что мне теперь делать? Как я могу вернуться домой? Поверят ли мне, что я осталась жива случайно? А вдруг нет? Как мне поверят? Никак. Лукавит ветер! Ла-ла-ла-ла-ла-ла! Как можно мне поверить, если я не устала как все? Я полностью цела. Ни малейшей царапины. Ни капли раскаяния. Ни одной изменившейся мысли. Какой ужас. Мысли свои поменять я уже никогда не смогу. А вот свое лицо, мне данный богом облик, внешность, которую лишь помнит старенькая

2-й монах: - От этого понимания не станет легче. Займи свои невзрачные мысли молитвами. Говорят, спасает.

1-й монах: - И снова приближается к нам шум.

2-й монах: - Я слышу. Что бы ни случилось, мы ничего не знаем. Мы совершаем на могиле свой обряд. И что ни происходит в государстве в печали или радости – мы в этом безучастны. На колени!

Монахи шепчут молитвы. Вбегают воины, но их не замечают.

Воины: - Ну что? Всё чисто? – Чисто. – Чисто. – Чисто. - Все чисто. - Очень чисто. - Не придраться. – Так чисто. - Но слишком много странных есть следов. – Каких следов? – От копыт. – Скорей всего, ослиных. – Мусора от них в лесу навалом. – От наших рук следов не видно. – Нас не было. – Но были лишь в лесу ослы. – Они и виноваты. – Ослы всегда по-ослиному ведут себя. – Нельзя ослам гулять без разрешения в лесу ночном. – Своим ослиным ревом они женщин довели до изнеможенья. – Одни от страха умерли. – Другие в давке корчились от боли. – А третьих затоптали их копыта. – Да! Да! Да! – Копыта твердые их затоптали. – Мы снова ни при чем. – Они постигли боль, но не от нас, бедняжки! – Это даже лучше. Кто постигнет боль, тот достигнет высот! - Как много развелось ослов. – Они дичают постепенно. – От дикости ослиной нет на полях теперь порядка. – Пора их выловить, отдать на ферму. – Упрятать за заборы! – Упрятать за ограды. – Как много развелось ослов. – Какая дикость! – Тише! Я слышу рядом странные слова. – Я тоже! – Тоже я! – Здесь где-то рядом непонятные слова. – Они меня пугают. – Какой зловещий и спокойный ритм у них. – Как будто что-то знакомое из детства. – Это всё усталость. Нам совесть померещилась. – Какая трусость. – От этих слов немного стыдно. - Это даже страшно. – Когда нас много, то не так уж стыдно. – И стыд уже проходит. Пора вернуться к долгу. – Долг зовет к Нарциссу. – Воины, за мной!

Воины уходят.

1-й монах: - Они ушли!

2-й монах: - Они ушли и не услышали нас.

1-й монах: - Как так может быть? Они не услышали наши молитвы.

2-й монах: - Зато их услышали небеса.

1-й монах: - Немыслимо!

2-й монах: - Вот видишь – молитва помогает.

1-й монах: - Да, помогает. Но она и ничего не меняет.

2-й монах: - Ты рассуждаешь слишком много.

1-й монах: - Да только толку мало.

2-й монах: - Ты снова за своё.

1-й монах: - А что же делать остается?

2-й монах: - Жить, пока ещё живется.

1-й монах: - Приятные нелепые слова.

2-й монах: - Молитва тоже состоит из слов. Приятных и нелепых.

1-й монах: - Это точно.

Виновато возвращаются ослы.

1-й монах: - О! Вот и ослы наши вернулись.

2-й монах: - Красавцы!

1-й монах: - Всё-таки хорошо, что они иногда думают самостоятельно.

2-й монах: - Да. День неплохо начинается.

1-й монах: - Уже светает. Можем идти дальше искать правду.

2-й монах: - А зачем ее искать? Правда плетется позади нас в грязных лохмотьях и с клюкой.

1-й монах: - Тогда она очень сильно отстала от нас.

2-й монах: - Да кому она нужна эта дряхлая правда?

1-й монах: - Пойдем тогда быстрее, чтоб она уже никогда нас не догнала.

2-й монах: - И нам никогда уже не будет стыдно.

Стремительно идут по дороге.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Покои Венеры

Венера

Венера: - Скверно на душе. И в теле скверно тоже. И спится плохо мне в такие дни. В такие дни такие жалкие кошмары снятся. Наверное, по Фрейдю. Как могло такое мне присниться, что на главной городской площади ослы пасутся? Едят траву и пьют родниковую воду. Причем надменно и спокойно. А живут ослы в палатках! Как будто так и надо! Как будто так заведено веками. Не пей вина, Венера. А площадь вся в навозе. Может, сон к деньгам? Ослиный навоз сулит огромный куш. Как свободно ослы передвигались по площади! Так грациозно! Как будто это породистые кони. Словно скакуны, они гордились своим осознанным и диким нравом. И вот на площадь вдруг пришли обнаженные и юные крестьянки и стали грязно приставать к ослам. Они грозились отчислением из фермы и полным увольнением из натурального феодального хозяйства, если ослы не уберутся восвояси или не исполнят жуткий долг соития в ближайшую же полночь. Ослы в сопротивлении своем дошли до соглашения! И началось brutальное сражение порочных ненасытных тех девиц с неокрепшими ослами! Не пей вина, Венера, перед сном. Вино и родина в больших количествах опасно для здоровья. Низ живота схватило так от боли. В такие дни печаль моя ярка. Так что же было дальше? Просто мерзость. Мерзость непозволительного секса! Девицы гладили ослов по крупам и что-то нежно им шептали в длинные их уши. А те, влюбленные по уши, разбухли ниже живота и страстно заревели. Так сейчас ревет неслышно мое нутро больное. Успокойся. Поглажу ласково его я. *(Резко и нервно гладит живот)*. Так болит. И вот когда настала полночь, юные крестьянки решили накормить ослов своим же молоком. Те отказались. Отказались напрочь. Они ответили, что брезгуют в пищу употреблять женское молоко. Запрещает это им религия! Такая неслыханная дерзость и ослиный фундаментализм возмутил горячие сердца девичьи, и женщины в воинственном и яростном накале смели нещадно головы ослов одним лишь резким перекусом шеи. Вот так! Кровь так хлестала мощно, яро, как скоро хлынет кровь моя из низа. *(Легко массирует виски)*. Предчувствую я боль и неприятный вечер. Ослиная кровь текла тремя ручьями в ближайший парк столичный, где прятались в кустах сирени воины. Железистый запах крови так их возбуждал, что стали они рвать ветви и хлестать себя по телу. Хлестать с таким упорством, что ветви разрывались в два удара! Они срывали новые, и мне во сне казалось, что в парке в следующем году не будет в мае больше жечь сирень своим красивым девственным соцветьем, и больше никогда воины не смогут сорвать нечетный лепесток, чтоб загадать желанье. От этого они заплакали, что их желания, увы, не сбудутся. Их время истекло. Бедные! Ни одного желанья больше. Чтоб не было так больно от этих грустных мыслей, они решили бить друг друга. Бить своим оружием. Бить так сильно, чтоб выбить коренные зубы, мосты, протезы, переносицы и губы заодно порвать. Пока они насыщались боем, уставшие крестьянки спрятали ослиные трупы на

городской свалке и пошли спать. А к свалке вдруг подкрались три монаха. Они искали там бутылки, чтоб набрать на праздник святой воды, а нашли лишь звериные там трупы. Они простили им грехи. Смертные грехи неповиновения и несоблюдения завета – не жить на площади и не прелюбодействовать с людьми. Я сейчас с ума сойду от боли. *(Внезапно хватается за сердце)*. Когда же всё начнется, наконец? Чтобы кровь смыла мою боль. Монахи совершали прощальный ритуал над трупами, и вдруг один осёл оказался живой. Такой красивый, умный, молодой осёл. Он захотел меня увидеть и передать, что эта встреча будет болезненной, как сама война. И я проснулась. Что за война? Неужели в нашем государстве идет война? Какая? Между кем и кем? Ослов с крестьянками? А воинов с сиренью? Или монахов с палатками? Грудного молока с оружием? Я знаю только, что во время войны люди теряют много крови. И каждый месяц нужна ей новая кровь. Ежемесячно нужны ей жертвы. И я вот каждый месяц приношу ей в жертву свой личный сгусток сакральной красной влаги. Война бывает такой красивой из-за цвета! Как больно мне! Как больно! *(Плавно на корточки садится)*. Аааааа! Кто постигнет боль, тот достигнет власти. И кровь идет. Струится бесконечно. Как гармонична природа, если каждый месяц происходит война! Кто там ещё? Кто сюда идет? Как все вы надоели! Как больно! Ааа! Будь проклята, война! Будь проклята, война! Будь проклята, война! *(Неистово бьёт рукой по полу)*.

Сцена вторая

Там же

Венера, местные пожилые жительницы

Жительницы: - Только одна жива осталась. - Одна жива. – Жива! – Жива! - Одна! – Одна жива! - Одна, поймите! - Одна жива осталась.

Венера: - Кто одна? О чем вы говорите?

Жительницы: - Только Эхо жива. - Одна из многих. – Только одна. – Другие мертвы. – Других нет с нами.

Венера: - Ничего не понимаю. Как будто продолжение дурного сна.

Жительницы: - Мы нашли все спрятанные трупы. – Вчера убили наших дочерей. – Мы видели их. – Нашли их! – Все мертвы. - Одна спаслась, но изуродована так жестоко. – Накажите преступников.

Венера: - На ваших дочерей напали?

Жительницы: - Да! – Да. – Да! – Да. – Да!

Венера: - И сами они не трогали ослов?

Жительницы: - Ослов? – Ослов? – Ослов? – Каких еще ослов?

Венера: - Да никаких. Так скользко перепутано всё в этом мире. И не в мире перепутано так вскользь. И больно.

Жительницы: - И нам так больно! – Больно нам! – Нам больно.

Венера: - Давайте по порядку.

Жительницы: - Наши дочери собирали урожай. – Урожай собирали! – Сейчас страда. – Понятно?

Венера: - Пока да.

Жительницы: - Конечно, сбор урожая очень важен. - Очень, очень важен. - Да, урожай нам важен. – Что может в конце лета быть важнее урожая? – Только урожай. – Все в государстве думают об этом. – Только о нём одном, об урожае! – По сравнению с уборкой, может, ничего такого и не произошло. – У нас вообще ничего не происходит. – Только урожай все собирают и собирают. – А у нас погибли дети. – Урожай очень важен для страны. - Но наши дети тоже нам важны.

Венера: - Неужели?

Жительницы: - Правда, правда! – Правда. – Может, это пустяк в масштабах государства. – Или одного большого поля. - Но в конце дня кто-то вероломно девушек настиг. – И уничтожил. – Выпил всю их кровь...

Венера: - Кровь? У них шла кровь?

Жительницы: - Вся вытекла. – Ни капли не осталось.

Венера: - Будь проклята война.

Жительницы: - Что? – Что? – Что? – Что? – Что? – Что?

Венера: - Ничего. Это я так. О женском.

Жительницы: - А! – А! – А! – А! – А! - Понятно.

Венера: - Продолжайте. Не молчите. Я слушаю.

Жительницы: - Да что еще здесь можно говорить? – Урожай почти весь собран. – Собраны оливки, которые заставляют нас молчать порой. – Поздняя клубника, схожая с румянцем старой девы. – Морковь мохнатая, как будто ей прохладно под землей. – Лимоны с тонкою холеной кожей. – Сахарный тростник, дрожащий от каждого вниманья. – Щербатый и очень важный кардамон. - Собрана черешня мягкая, пресытившаяся жизнью. – Корица приторная, целующая руки. – Петрушка, яркая от первого свиданья под забором. – Базилик, придающий поцелуям откровенный вкус. - Сельдерей, ласкающий язык наш незаметно. – Щавель, кислящий ненапряжно. – Собрана та капуста, что хрустит в руках всё из-за соли и та капуста, что любит в южном море загорать. – Фисташки и арахис, который белка раньше нежно перебирала в лапках. – Мидии, облепившие дно лодки, чтобы от солнца защитить себя. - Имбирь, который так приятен в компании бывает. – И сено, в котором мы никогда уже не будем заниматься сексом. – Всё собрано! – И кто-то праздник омрачил жестоким преступлением. – На полях вместо ботвы лежат тела. – Но мы не знаем, кто подкосил их стебли. – Просим разобраться в злодеянии.

Венера: - Ах, вот как.

Жительницы: - Вот тебе и ах. – Нехорошо всё вышло. – Некрасиво. – Несправедливо.

Венера: - Конечно разберемся. Есть ли факты?

Жительницы: - Фактов нет. – Никаких. – Ни одного. – Печально. – Грустно. - Но видели вчера колонну проходящих воинов. – Невдалеке они прошли. – Дышали тяжело. – И, может, видели они кого? – Или хотя бы слышали? – Или... - Или... - Или...

Венера: - Или что?

Жительницы: - Вы у них спросите сами про это или? – Сами. – Мы ничего. – Мы так. – Что можем мыслить сами мы? – И сами рассуждать? - Но сами можем мы страдать. – Поймите, нам так больно. - Больно очень. – Одни мы с внуками. – Мы даже кормить их не могли вначале. – Нам было нечем. – Они младенцы. – А мы стары. – Но чудо произошло. – Мы выстрадали чудо. – Засохшее грудное молоко! - Сухое грудное молоко с водой мы разбавляли. – Вот так спасли детей. – Из наших старческих сосков все сыпется сухое молоко, как песок в пустынной Атакаме. – А мыслей больше нет. – Один песок. – Белый сухой молочный песок. – Чистый, как на пляже. – Можно лечь и отдыхать. – Как на курорте. – Поставить лежаки, шезлонги, зонтики, палатки.

Венера: - Да, да. Палатки – это хорошо.

Жительницы: - Вам плохо?

Венера: - Спасибо, что заметили. Вполне терпимо. Боль отходит. Так что дальше? Вы что- то говорили про песок?

Жительницы: - Да, молочный наш песок все сыпется. – Он высыпается по-прежнему из нас. – Как песочные часы считает наше время. – Только нас нельзя перевернуть. – Последняя песчинка упадет, и мы кончимся. – Увы. – И нас не будет. – Только сплошной песок. – Большой карьер песчаный. - А в нем играют дети. – Строят замки из нашего песка. – И варят кашу из нашего песка. – И лепят пирожки из нас. – Смеются. – И

дерутся. – Играются в войнушку. – Так смешно, легко играют наши дети. – На песке из нас.

Венера: - Вы так меня растрогали рассказом о песке, что снова стало невыносимо больно.

Жительницы: - Так бывает часто на песке. – То есть на земле. – На поле. – На планете. – Успокойте нас. – Облегчите страдания. – Успокойте нас. – Спасите наши души. – Спасите наши души! – SOS. – SOS. – SOS. – SOS. – SOS.

Венера: - Я постараюсь. Конечно, постараюсь. Я сделаю всё, что смогу. И воинов разыщем тех, кто может вам помочь.

Жительницы: - Помочь? – Да, они помогут. – Помогут. – Помогать – не строить.

Венера: - Ну что поделать? (*Зевает*). Вы так спокойно и приятно говорите о беде своей, что я тихонько незаметно засыпаю.

Жительницы: - Да сколько ж можно слов о горе добавлять? – Мы больше не в силах описывать свою беду. – Сколько нужно слов вам? – Сто? – Сто двадцать? – Двести пятьдесят? – Или пять тысяч, чтоб сказать, как мучает обида нас? – Что наше возмущение разъедает нас, как кислота. – И отравляет нашу старость. – Уснула. – Венера спит. – Так сладко. – Бедная. – Она страдает. – И тоже много крови потеряла. – Как раненый в бою боец. – Пусть отдохнет. – Пойдемте, старые подруги боевые. – Не будем ей мешать. – Уходим. – Тихо. – Потихоньку.

На цыпочках уходят друг за другом.

Сцена третья

Там же

Венера, воины, два странствующих монаха, два осла

С другой стороны на цыпочках заходят друг за другом воины, между ними монахи и ослы.

Воины: - Вот так незадача. – Венера спит. – Красивая во сне. – Но что-то в ней не так. – Забавная. – Тревожная. – Гнетущая. – Немного. – Интересно, что красивой и известной женщине там грезится? – Большие исторические даты. – Батальные картины. – Красивые известные мужчины, как Нарцисс. – Тогда уж лучше разбудить ее. – Зачем? – А то во сне стонать начнет. Так неприятно. – Гы-гы. - Венера стонущая! Что может быть прекрасней? – Стонущий Нарцисс! – Да что вы! Это извращение. – Венера и Нарцисс – и вместе? – И оба стонут? Никогда! – Тише, здесь монахи! – И ослы! – При ослах ни слова! - Довольно хулиганить! Мы здесь с особой миссией. – Просим. - Венера, мы пришли! – Венера, мы явились!

Венера: - А я как раз вас видела во сне и вас искала.

Воины: - Искали нас во сне? – Гы-гы.

Венера: - Искала по приказу. Но вы нашлись намного раньше, чем я приказала. Странно очень.

Воины: - Бывают и такие приказы, которых выполняют без приказа. – Гы-гы.

Венера: - Вот это и страшит. Приказы с гербовой печатью не выполнены, а сказанные шепотом и вдруг исполнены быстрее, чем о них подумал приказавший. И доказательств снова нет.

Воины: - Найдутся. – Найдутся, если их внимательно искать. – Гы-гы.

Венера: - Ну что ж поищем. По какому делу вы пришли?

Воины: - Пропали девушки. – Похищены! – Украдены.

Венера: - Уже нашлись.

Воины: - Нашлись? – Как нашлись? – Когда? – Кем? – Кто нашел?

Венера: - Их матери нашли сегодня утром на краю поля.

Воины: - Живы?

Венера: - Мертвы.

Воины: - Вот это да! - Не может быть!

Венера: - Все может быть на вашем поле. А как вы узнали о пропаже?

Воины: - Недалеко мы проходили. - Мы слышали рыдания матерей.

Венера: - И что?

Воины: - Решили тоже поискать. - Помочь им в горе. - На всякий случай. - Вдруг... - Вдруг... - Вдруг что найдем.

Венера: - И что нашли?

Воины: - Только ослиные следы. - А позже самих ослов. - С двумя монахами.

Венера: - Похвально.

Воины: - А вот и собственно они.

1-й монах: - День добрый.

2-й монах: - Добрый день.

1-й осёл: - Иа!

Венера: - Добро пожаловать. Так, значит, ваши там следы нашли?

1-й монах: - Возможно.

Венера: - Хотя что дают следы? Следить бесследно все могли.

Воины: - Так у следящих и спросите, зачем они там наследили. - Гы-гы-гы.

Венера: - Отвечайте.

2-й монах: - Мы за ослов не отвечаем. Мы странствующие монахи. И странствуем везде, где есть нам место. А место есть везде: и в поле и в горах, в пустыне, в городе, в деревнях, в лесах. Везде есть место для молитв. И наследить могли мы лишь молитвой.

Воины: - Вот и наследили.

Венера: - Ну, а ослы?

1-й монах: - А что ослы? Пока нас молитвы вперед несли, их влево занесли их собственные мысли.

Воины: - Ах, мысли! - Вот как! - Влево занесли? - Занесли их влево! - Гы-гы. - Мысли! - По лицам ослы все одинаковые. - Да. - Но мы ослов обычно различаем по их мыслям. - А мысли ослов сильно левые. - Раз влево их несут, пока другие молятся. - И ослов своих не замечают. - Кстати!

Венера: - На что вы намекаете?

Воины: - На ослов. - Их надо допросить. - Раз их монахи так невинны. - Так невинны. - Так невинны.

Венера: - Так же, как и вы. Ну что, ослы, вы можете сказать?

1-й осёл: - Иа! Иа!

2-й осёл: - Иа!

Венера: - Что они сказали?

Воины: - Непонятно! - Нисколечко! - Ни слова!

1-й осёл: - Иа, иа. Иа, иа. Иа, иа, иа, иа!

2-й осёл: - Иа.

Венера: - Они говорят или режут?

1-й монах: - Говорят. Но что? Нам не дано понять.

Венера: - Какой странный у них язык.

1-й осёл: - Иа. Иа.

Венера: - Какой-то древний, может быть?

Воины: - Не древний. - Что-то можно разобрать. - Похож на наш. - Его я где-то слышал, но давно. - Наверное, еще дореформенный язык. - Без корректировок. - На нем сейчас почти никто не говорит.

1-й осёл: - Иа, иа, иа, иа. Иа!

Венера: - Да уж. Я понимаю, что есть великий древнегреческий язык. Латинский, там английский, допустим русский и французский. А это что за набор слов?

Воины: - Ужасный язык. - Очень бедный. - Скучный. - Редкий. - Не возвышенный. - Простецкий. - Фу. - Некультурный. - И неинтересный. - Гы-гы. - Никчемный.

2-й осёл: - Иа! Иа! Иа!

Венера: - Ну почему же? Это очень эксклюзивно!

Воины: - Совсем некрасиво. - Тривиально. - Банально. - На нем мудрого ничего скажешь. - И великого ничего не напишешь. - Мы так не говорим. - И Нарцисс на нем не говорит. - Не наш так точно. - Они не знают новых правил языка?

Венера: - Похоже, что не знают.

2-й монах: - Для них правил и не существует. Они привыкли говорить на правильном своем языке.

1-й монах: - На своем родном. Без всяких новых правил и реформ.

Венера: - Прогресс нельзя остановить. Об этом они не думали?

2-й монах: - Об этом не думали уж точно. Но думают они о своем. В своей родной стране.

2-й осёл: - Иа!

Воины: - Думают, думают. - Думать, то они умеют. - Умеют думать точно. - О своем! - А думают они, надо сказать, неправильно. - О своем! - Гы-гы. - Не так, как надо думают. - Мы точно различаем их по мыслям. - Хоть лица одинаковые у них. - О своем думают! - Себе назло. - А может назло и нам.

Венера: - Раз мы понять не можем их язык, и переводчика нет у нас, ослов я оставляю у себя пока.

Воины: - Ммм. - Ммм. - Ммм. - Хм.

Венера: - Вы недовольны моим решением?

Воины: - Ну... - Ну... - Ну... - Ммм. - Хм.

Венера: - Тогда зачем неискренне мычите? Вы может голодны?

Воины: - Мы по горло сыты.

Венера: - В таком случае надо вам поплакать.

Воины: - Поплакать! - Ха! - Зачем?

Венера: - Чтоб испытать себя! Чтобы проголодаться снова. Чтоб снова захотелось жить вам. Так будете вы плакать?

Воины: - Нет. - Не будем. - Воины не плачут.

Венера: - Правда? Никогда? Никогда не плачут?

Воины: - Нет. - Никогда. - Не часто.

Венера: - Когда в последний раз?

Воины: - Вчера. - Недавно. - Никогда. - Я буду плакать завтра.

Венера: - Вы можете мне что-нибудь рассказать о вашем плаче, чтобы я вам посочувствовала, может быть, или пожалела, или сама заплакала от ваших слов?

Воины: - Да, конечно. - Нет. - Но как же. - Я вам расскажу. - Не надо.

Венера: - Говорите.

Воины: - Да что же это? - Значит так. - Не надо. - Не перебивайте.

Венера: - Пусть говорит. Пока говорить на нашем поле можно.

Воины: - Нам можно. - Гы-гы.

Венера: - Пока. Можно, но пока.

Воины: - Ладно. - Говори, раз начал. - Я плакал очень сильно в детстве. Один раз ночью из-за пустяка, который мне тогда казался вселенским горем. В детстве у детей для игр различных есть деньги. Деньги они выдумывают из чего угодно. А у нас они всегда были из листьев. Крупные банкноты из сирени...

Венера: - Сирени?

Воины: - Да, он сказал сирени. – А у нас из жасмина. – Тише. – Что дальше? – Так вот. Крупные деньги из сирени. А мелкие, что детям часто были нужны, из акаций. Сколько листьев акаций было сорвано зря! Удивительных и трепетных деревьев-акаций! Сколько их пострадало, чтобы на короткую игру дети совершили свои удачные покупки. Но, как ребенок, я действительно верил, что это самые настоящие деньги, на которые я могу купить все, что захочу. У меня было много зеленых денег из акаций, и я ощущал себя самым богатым человеком на свете. Богаче своих друзей, родителей, владык! Я спрятал свое сбережение под кровать, но через неделю, когда мне снова нужны были деньги для игры, я достал их и ужаснулся. Вся моя зелень засохла, увяла, выцвела. Деньги рассыпались в руках, как табак в старой сигарете. И этот жестокий обман, сушеный облом, черная детская инфляция так повергли в уныние мою психику, что я рыдал с проклятым упоением и больше никогда уже не верил ни в деньги, ни в банки, ни в новую зелень акации...

1-й монах: - Он плачет!

2-й монах: - Точно, плачет.

Венера: - Какой печальный воин.

Воины: - Не плачь. – Не плачь. – Не надо. – Хороший. – Ну же, успокойся. – Не надо так печалиться. - Я тоже про зелень вспомнил, но другую. – Какую?

Венера: - Расскажи нам.

Воины: - Не плачь. – Какая зелень? – Теперь не акаций, а первых одуванчиков весенних. – Прекрасно. – Мне в армии хочется все время есть. – Мне тоже. – И мне. – Гы-гы. – Постоянное желание что-нибудь урвать и проглотить. А ничего и нет. И вот однажды вспомнил, что моя мать собирала зеленые листья одуванчиков, замачивала в подсоленной воде и ела. От голода я начал пастись на лужайке и рвать одуванчики. Все смеялись и, прикалываясь, ждали дня, когда меня можно будет доить. Я замачивал безупречно горькие листья и гордо перед всеми съедал их. Никто не мог больше повторить мой маленький голодный подвиг. Но всю весну я ощущал себя сытым и хорошо уснувшим от тяжести в желудке. – А при чем тут слезы? – Почему ты плакал? – Из-за зелени! Простите за откровенность, но той весной однажды я увидел, что... Так неудобно. – Да ладно, говори. - Только поймите меня правильно. – Пойдем. – Пойдем. – Так что же? - Это было так сильно! У меня от одуванчиков стали пронзительно изумрудными по цвету фекалии. Они впечатлили меня необратимо! Это был божественный цвет! Ярко изумрудная зелень выходила из меня! Такой поразительный цвет. Намного чище и изящней, чем у импрессионистов. Это было потрясающе изумрудно! И тогда я пожалел, что я воин, а не художник, и заплакал.

1-й монах: - И он плачет!

2-й монах: - Плачет.

Венера: - Какой тонкий воин.

Воины: - Не плачь. – Ну что ты. – Не надо. – Маленький. - Да что же это происходит? – Пусть поплачет. – Так трогательно. – А я жалею только об одном! – О чем? – Что я никогда не почувствую, что такое секс там, где ты внезапно хочешь. В лесу, где пролетающие мимо божьи коровки садятся на вспотевшее возбужденное тело. На крыше, чтоб увидеть в ее запрокинутых от счастья глазах проплывающие облака, бесконечно розовые от алого заката. В море, по пояс в воде на середине лунной дорожки, оглушенный всплеском волн и изможденный от неба так мощно, что даже разряды электрических скатов тебя не смущают.

1-й монах: - И он!

2-й монах: - Заплакал.

Воины: - А я! А я хочу на толстых ветвях смолистой сосны под редкие крики кукушки, считая не свои пролетевшие дни, а упавшие от любовной ярости шишки! – И ты! - Не

плачь. – А я в тесном грязном лифте, задыхаясь от нехватки кислорода, полностью растраченного на вздорные, но выкопанные так глубоко поцелуи! – Не плачь! – И ты? – О, боги!

Венера: - Ах, вы мои зайки!

Воины: – А я старик седой бессильный с юной и румяной девой...

1-й монах: - Здесь все плачут.

2-й монах: - Это к смеху.

Воины: - А я рыдал вчера беззвучно. Своими взглядами они лишили меня надежды. Я понял, что наша мимолетная сила, как легкое счастье, может пройти. И мы можем умереть также быстро и неблагодарно, как они. Умереть, как только умрет наш Нарцисс. И тогда толпа растерзает нас за все бывшие проступки. – Что ты несешь? – Безумец. – Это бред.

Венера: - Я правильно вас поняла?

Воины: - Не слушайте его. – Это все из-за слез. – Помутнение рассудка. – Истерика. – Мужская слабость. – Культурный шок! - Еще раз слово скажешь, будет больно. – Какая боль? Их обида была сильнее моей боли! Нас накажут! – Да кому мы нужны? – Замолчи! – Мы все заплачем завтра, послезавтра, очень скоро! - Мы ничего не делали. – Мы исполняли приказ.

Венера: - Так был приказ?

Воины: - Ничего не было. - Мы ничего не знаем. – Всё! Хватит тут рыдать и плакать. Надо собираться.

Венера: - Так был приказ?

Воины: - Я не видел. – И я. – И я. – И я. – Значит, не было приказа.

Венера: - А устный?

Воины: - Устный приказ – это не приказ. – Нам пора. – Приятно было повидаться.

Венера: - Привет Нарциссу. Передайте ему, что я жду вас всех на краю поля. Одна девушка жива и окончательно расскажет правду, от которой плакал воин.

Воины: - Ээээ. – Прекрасная новость. – Ээээ. - Хоть одна жива. – Мы очень рады за нее. – Ээээ. - Прощайте! (*Уходят*).

Венера: - До свидания. Вам тоже, до свидания, монахи. Не следите больше молитвами там, где наследить опасно. Ослов своих вы потеряли навсегда. Не потеряйте навсегда честь свою и совесть. (*Уходит*).

Сцена четвертая

Там же

Два странствующих монаха, два осла

1-й монах: - Прощайте, наши милые спутники.

2-й монах: - Как мы будем скучать без вас, если бы вы только нас понимали.

1-й монах: - Как мы будем жалеть свои усталые ноги.

2-й монах: - И свои затекшие плечи.

1-й монах: - А я ведь помню вас еще юными веселыми осликами.

2-й монах: - Я купал вас в тихих реках.

1-й монах: - Я подстригал в шутку ваши забавные хвостики.

2-й монах: - Как они виляли! Бодро и незатейливо.

1-й монах: - И вот всё.

2-й монах: - Отныне чужие руки будут ухаживать за вами.

1-й монах: - Лелеять.

2-й монах: - Холить.

1-й монах: - Опекать.

2-й монах: - Бить иногда.

1-й монах: - Плеткой.
2-й монах: - Хлыстом.
1-й монах: - Наказывать.
2-й монах: - Издеваться.
1-й монах: - Мучить вас.
2-й монах: - А, может, и всё обойдется.
1-й монах: - Счастья вам.
2-й монах: - Веры в себя.
1-й монах: - Мужайтесь.
2-й монах: - «Ослайтесь».
1-й монах: - Скорее, «ослиньтесь».
2-й монах: - Не важно.
1-й монах: - Да, всё уже не важно.
2-й монах: - Пока, пока, пока.
1-й монах: - Ой, горе то какое!
2-й монах: - Перестань паясничать. Идем, пока свободны.
1-й монах: - Свободны и пока?
2-й монах: - Мы свободны. А ослам – пока!

Монахи покидают ослов.

1-й осёл: - Натворили мы с тобою дел.
2-й осёл: - Еще каких!
1-й осёл: - Остались без хозяина. Но несвободны.
2-й осёл: - Это плохо?
1-й осёл: - Поживем – увидим.
2-й осёл: - Зато наша правда восторжествовала.
1-й осёл: - Вот только во что выльется эта правда?
2-й осёл: - В наказание виновных.
1-й осёл: - А мне, Серый, стало немного жалко воинов. От их выстраданных рассказов я сам чуть не заплакал.
2-й осёл: - Дурной ты, Малой. Ослы не плачут.
1-й осёл: - Еще как плачут, когда их поливают слезоточивым газом.
2-й осёл: - Вот видишь, они поливают, а ты их жалеешь.
1-й осёл: - Может, они поливали и плакали. Плакали и про себя молились богу. Молились богу и просили прощения у бога и у нас.
2-й осёл: - У какого бога?
1-й осёл: - У какого есть.
2-й осёл: - Ты знаешь, Малой, что во втором веке ходила молва, будто христиане молятся богу с ослиной головой?
1-й осёл: - Неужели?
2-й осёл: - Да, осталось много рисунков с таким богом.
1-й осёл: - Откуда слухи?
2-й осёл: - От наших хозяев. Уже прежних. Знаешь, когда хозяин слишком долго задерживается на своем посту, то начинаешь к жизни относиться философски с историческим подтекстом.
1-й осёл: - Значит, иногда полезно иметь одного хозяина на пожизненный срок. Тогда к жизни относишься со смыслом. Таким отчетливо разумным.
2-й осёл: - Ага.
1-й осёл: - Слушай, а может это не слухи?

2-й осёл: - Ты про что?

1-й осёл: - Может, и сейчас все молятся ослиному богу?

2-й осёл: - Да уж. Как бы то ни было, а древние римляне были правы, когда говорили: «Осёл правит, а Бог властвует».

1-й осёл: - Там было «царь правит».

2-й осёл: - Какая разница?

1-й осёл: - А что дальше?

2-й осёл: - А дальше ждем. Дальше от нас уже не зависит.

1-й осёл: - Amen.

Сцена пятая

Окраина города

Два странствующих монаха

1-й монах: - Тебе не кажется странным, что мы не самые главные герои, а так часто появляемся на сцене?

2-й монах: - Пожалуй. Главный герой Нарцисс, а его как раз и нет.

1-й монах: - Уже скоро конец второго акта. Почему же нет Нарцисса?

2-й монах: - Наверное, он очень занят. Он же главный герой. У него свои дела. Они более важные, чем похищения, убийства и всякое другое.

1-й монах: - Бедный Нарцисс. Я бы не смог.

2-й монах: - Да, он так несвободен.

1-й монах: - Кто несвободен? Он самый свободный в нашем государстве.

2-й монах: - Он самый несвободный из свободных. Отсюда и все беды. Он слишком сильно любит свое дело вместо того, чтобы сильно любить себя.

1-й монах: - Ты думаешь, любовь сделает его лучше?

2-й монах: - Непременно.

1-й монах: - Тогда он станет слабым.

2-й монах: - Тогда в своей слабости он и станет сильным.

1-й монах: - Значит, ему стоит в кого-нибудь влюбиться. Но вот в кого?

2-й монах: - В достойного его любви.

1-й монах: - Только достоин ли он любви?

2-й монах: - В этом он пусть разберется сам. А мы должны разобраться в своей роли. В своей маленькой эпизодической роли, которая очень важна во всей истории.

1-й монах: - Важна настолько, что мы все время здесь, но ничего не делаем.

2-й монах: - Как тяжело играть эпизодические роли!

1-й монах: - Потому что мы не знаем, что нам надо играть. От нас все время чего-то ждут, ждут, ждут, ждут, а мы никак себя не можем проявить. Я только знаю, чутко ощущаю, чувствую непреодолимо, что меня в последнее время постоянно охватывает томление. Меня томит активность.

2-й монах: - Молодая вздорная кровь.

1-й монах: - Она меня разрушает изнутри и хочет вырваться наружу. Я боюсь ее разрушительной силы.

2-й монах: - Глупая кровь всегда требует выхода. Она просит постороннюю силу разлиться на асфальте.

1-й монах: - Мои мысли о ней настолько же страшны, как и мысли о людских ночных забавах.

2-й монах: - Твоя кровь может бездарно пролиться и никому не принести никакой пользы.

1-й монах: - Мое томление порочно. Но я не знаю, как себя остановить.

2-й монах: - Один раз – и можно уже никогда не остановиться.

1-й монах: - Тогда на остановке я должен проявить себя.
2-й монах: - Проявляй, если знаешь как.
1-й монах: - А если это грех?
2-й монах: - Вот, вот.
1-й монах: - А если наоборот? Грешно томиться, а действовать – не грех?
2-й монах: - Не провоцируй меня, иначе слишком рано и зря прольется твоя кровь.
1-й монах: - Пусть!
2-й монах: - Тогда получай! (*Бьет первого монаха по лицу*). Лучше стало? Еще?
1-й монах: - Бей! Бей! Еще! Сильнее! Еще!
2-й монах: - Теперь понимаешь, что с тобой может произойти?
1-й монах: - Понимаю! Но не эта боль меня страшит! Меня мучает внутри другая боль. Она намного шире твоих ударов! Так что бей еще!
2-й монах: - Пожалуйста!
1-й монах: - Еще, еще, еще...
2-й монах: - Тебе стало легче?!
1-й монах: - Нет!!!
2-й монах: - Твое томление меня пугает.
1-й монах: - А меня как!
2-й монах: - А если оно так сильно угнетает тебя, то действуй сам. В одиночку. Но только пусть твоё одушевление станет красивым поступком. Пусть он будет кратким, пусть он будет мимолетным, но пусть он будет в нужный миг прекрасным, если даже потом он станет и прогорклым. Но только потом ни о чем не жалея. Никогда ни о чем уже не жалея.
1-й монах: - А что я должен сделать сейчас?
2-й монах: - А что все должны сделать сейчас?
1-й монах: - Что?
2-й монах: - Что?
1-й монах: - Что?
2-й монах: - Что?

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Морг под открытым небом

Венера, Нарцисс, воины, ослы

Венера: - Наконец, и вы появились. Почему так долго вас не замечали?
Нарцисс: - Дела, дела, дела.
Венера: - Да, дел у нас произошло немало.
Нарцисс: - Каких?
Венера: - В основном все больше грустных. Посмотрите вокруг себя. Что видите?
Нарцисс: - Все больше трупы, трупы, трупы.
Венера: - Вот еще один.
Нарцисс: - И снова женский.
Венера: - Здесь все такие.
Нарцисс: - Чего так?
Венера: - Кто-то захотел вот так.
Нарцисс: - А кто?
Венера: - Узнаем скоро. Посмотрите, как они несчастны.
Нарцисс: - Напротив. Они так радостны, что даже прикрыли тело только своим счастьем. И больше ничего на нем. Безупречная мертвая нагота.
Венера: - Они ужасны.

Нарцисс: - Что вы? Они прекрасны. Они открывают для себя неизведанный синий цвет. Это новое ощущение красок, которое, увы, никогда не сможет испытать ни один живой человек, а они могут. Могут обрести новые, неестественные при жизни оттенки. Как я им завидую. У них начинается новая жизнь в цвете.

Венера: - Отвратительно.

Нарцисс: - Нельзя так о мертвых. Они еще так молоды, эти трупы. Посмотрите, какая очаровательная девушка.

Венера: - Которая?

Нарцисс: - С родинкой на плече. Еще родинка. Три. Четыре. Пять. Как много родинок. Как будто целое созвездие звезд на осеннем небе. Ее часто целовали родители в детстве. Теперь ее часто будут целовать жуки-короеды.

Венера: - Перестаньте.

Нарцисс: - Отчего же? Вы сами меня сюда пригласили? Зачем?

Венера: - Чтобы вы все это увидели.

Нарцисс: - Вот я и смотрю. Любуюсь. Созерцаю. Вот еще один прелестный экземпляр. Блондинка. Это редкость. Наклонитесь к ней. Ближе, а то ничего не почувствуете из-за сильного запаха прелой листвы. Ощущаете, как ее подмышки приятно пахнут свежими арбузами?

Венера: - Скорее это запах свежескошенной травы.

Нарцисс: - Может быть. Не буду спорить. Где-то же должны совпадать наши мнения. Так пусть они совпадут на этих рыжих волосах. Они сплелись как паутинки. Надо распрямить их. Вот так.

Венера: - Да, так лучше.

Нарцисс: - Посмотрим дальше?

Венера: - Если вам так интересно.

Нарцисс: - А у этой кривые коленки. Смешно. Так удивленно смотрят одна на одну, как будто никогда и не знали о существовании друг друга. Вот и познакомились.

Венера: - Теперь у них будет много времени на общение.

Нарцисс: - У вас тоже есть чувство юмора.

Венера: - Благодаря ему я сохранилась так хорошо.

Нарцисс: - Да, намного лучше, чем эта девушка с оторванной рукой, задорной усмешкой и остекленевшим взглядом. Ей уже ничего не поможет, а вы еще можете побороться с природой.

Венера: - Я борюсь только со злом.

Нарцисс: - Я, кстати, тоже. Интересно. На этой ноге только четыре пальца. Что случилось с пятым? Такое ощущение, что его никогда и не было. Может, он не был ей нужен?

Венера: - В человеке много ненужного.

Нарцисс: - Правда? Чего именно?

Венера: - Хотя бы пяти пальцев на ноге. Зачем их так много, если они все равно не смогли убежать от смерти?

Нарцисс: - Разумно. Но на четырех пальцах бежать еще сложнее.

Венера: - Но, если пальцы ничего не решают, то они вообще не нужны.

Нарцисс: - Возможно, и эти девушки ничего не решали. Вот они и не стали нужны.

Венера: - А кто за них решил?

Нарцисс: - Понятия не имею. Вы как-то странно на меня смотрите. Вы плохо спали?

Венера: - Неважно, да.

Нарцисс: - Может, нам уйти отсюда?

Венера: - Позже. Я давно не была на свежем воздухе.

Нарцисс: - Воздух здесь хороший. В нашей стране замечательный воздух. Он насыщен многими элементами, и каждый может взять для себя из воздуха самый нужный для себя. Надо только внимательно рассмотреть воздух.

Венера: - Вот я и ищу важный элемент.

Нарцисс: - А вот! Взгляните! Какой красивый кадр: улитка скользит по девичьей спине, оставляя томную дорожку. Что она хочет здесь найти?

Венера: - Она путешествует. Ей интересны новые миры.

Нарцисс: - Да, она как раз приближается к двум холмам. Сейчас она поднимется на самую вершину ягодицы и увидит весь огромный простор.

Венера: - Когда она достигнет вершины, то поймет, что дальше ей некуда ползти.

Нарцисс: - Поймет?

Венера: - Она поймет, и у нее закружится рогатая голова. А чтобы не упасть от притяжения, она скроется в своей ракушке, как в дачном домике в горах и будет в одиночестве ждать Нового года.

Нарцисс: - Значит, жизнь продолжается. Продолжается на девушках. Может продлиться и в девушках.

Венера: - Каким образом?

Нарцисс: - В их плодотворные тела можно бросить семена. Смелые ростки пробьют сквозь кости себе дорогу к солнцу, и в следующем году на их рыхлых тканях вырастут замечательные цветы, кусты, целые сады.

Венера: - Мы соберем богатый урожай, и даже мертвые вновь станут полезными для общества.

Нарцисс: - Вы хорошо видите перспективу.

Венера: - Но она очень длинная, а правда очень короткая. До конца перспективы можно не дожить, а до начала правды можно.

Нарцисс: - Смотря кто как долго хочет жить. Я еще хочу долго, поэтому правду я могу пережить. Даже самую горькую.

Венера: - Что же с нами стало за эти годы? Еще пятнадцать лет назад у нас была одна горькая правда и одно общее сладкое желание. Желание до сих пор у всех сладкое и общее – счастье в отдельно взятой стране и для каждого. И правда до сих пор все та же – горькая. Так почему за все эти годы не настало счастье, и правда осталась у всех разная? Что же нам сделать, чтобы мы все стали мыслить одинаково по-доброму и по-хорошему? Что же нас может объединить хотя бы на один день в конце лета?

Нарцисс: - Комары.

Венера: - Что?

Нарцисс: - Позвольте. (*Убивает на Венере комара*). Комары нас могут объединить. Они пьют нашу кровь. Пьют у воинов и ослов, у меня и у вас, пьют у моих единомышленников и у моих противников. А потом кровь смешивается в их маленьком тельце, и, несмотря на наши разные ДНК, мысли и проблемы, комары объединяют в себе нашу человеческую сущность. Надо брать с них пример.

Венера: - И даже для этого объединения снова и снова проливается по мизерной капельке чья-то кровь. Или у комаров, или у вас очень кровавая политика.

Нарцисс: - Зато мы все вместе. А потом, потом, потом можно оторвать комарику носик. Смотрите. И больше никогда не будет проливаться кровь. Ее нечем будет пить из народа. А потом я вот так оборву крылышки, и не будет больше ненужного полета фантазий.

Венера: - А потом и лапки, чтобы больше не было куда двигаться.

Нарцисс: - После счастья ничего нет. Не к чему двигаться. Только руки запачкал из-за всеобщего счастья. Обо что можно вытереть? А, вот. У этой девушки роскошная прическа. Ого. Волосы отделились. Наверное, она носила парик. (*Вытирает руки о парик*). Вам нездоровится? Вы как-то побледнели.

Венера: - Да, война заставляет бледнеть. Теряешь много крови.
Нарцисс: - Действительно. Здесь так много крови. Она ваша?
Венера: - Вы мне льстите.
Нарцисс: - Откуда столько кровавых пятен?
Венера: - Позвольте. Одно у вас под носом.
Нарцисс: - Носом кровь идет. Давление пошатнулось.
Венера: - И больше ничего?
Нарцисс: - Ничего, надеюсь. Прочно всё. Прочь, кровавое пятно.
Венера: - Пора избавиться от тел. Прочь с поля, мертвые создания. Воины, помогите им уйти красиво. Несите аккуратно, чтобы высокие деревья не бросали на них тень.

Воины переносят тела.

Нарцисс: - Война бывает смертельно красивой. Но слишком много крови на сегодня.
Венера: - Очень много крови выходит из-за вас.
Нарцисс: - Намеки и упреки?
Венера: - Только поиск начала правды.
Нарцисс: - Кто ищет - не всегда найдет.
Воины: - Какие они легкие! – Трупы легкие! – Кошмар! – Нести неприятно! – Это куклы! – Как куклы? – Точно! - Так это куклы! - Куклы! – Манекены! – Муляжи! – Не девушки. – Не настоящие. – У них отрываются головы. – И руки. – И ноги. – Какая гадость. – Это куклы. - Всего лишь куклы!
Нарцисс: - Вы знали?
Венера: - Я? Нет, конечно. А вы?
Нарцисс: - И я нет.
Венера: - Забавно. Похитили людей, а убивали кукол. Зачем их убивать? Они же неживые.
Нарцисс: - Мерзкая перестановка. Со знаком минус.
Венера: - А вы не догадывались, что в нашей стране так много подмен? Что в большинстве своем у нас живут не люди, а всё сплошные куклы – манекены без чувств и мыслей? Но вы так опечалены, как будто жаль вам больше кукол.
Нарцисс: - Может быть.
Венера: - А девочек вы вовсе не жалели. Вы не любите своих сограждан?
Нарцисс: - Я им только доверяю. Иногда.
Венера: - Но не любите.
Нарцисс: - Не люблю. Я даже не люблю себя. Откуда взять мне силы на других тогда?
Венера: - Вы не боитесь бога?
Нарцисс: - Я не верю в бога. Но я ему сочувствую.
Венера: - А во что вы верите?
Нарцисс: - В своих воинов.
Венера: - Странное доверие.
Нарцисс: - Почему же?
Венера: - Потом узнаете. Когда повзрослеете.
Воины: - Так что? – Так что нам делать с ними?
Венера: - Играйтесь в куклы.
Нарцисс: - Да уносите поскорее их! Невозможно.
Венера: - Невозможно видеть? Вам стыдно?
Нарцисс: - Мне неприятно.
Венера: - Но вины никакой вы не чувствуете?

Нарцисс: - Я ничего не чувствую. Никакой вины. Странно. Наверное, я не виноват, раз ничего не чувствую. А вы ведь и не ждали другого ответа. Зачем тогда всё это?

Венера: - Соскучилась по вас. Но, если честно, вас ждала не я, а девушка одна.

Нарцисс: - Ах да. Я что-то слышал. Одна кукла выжила, и она, скорее всего, считает, что во всем виноват я, и я должен быть наказан.

Венера: - Кто-то должен быть наказан. Вы согласны?

Нарцисс: - Согласен. Но почему я?

Венера: - А почему вы? Может, и не вы. Но я бы выбрала вас.

Нарцисс: - Вот видите. А по каким причинам?

Венера: - Потому что вы красивый. Потому что вы сочувствуете богу. Потому что вы не любите других, не таких, как все. Потому что вы ни в чем не раскаиваетесь. А значит, вам легче будет понести наказание.

Нарцисс: - Вы уже все решили.

Венера: - Не я. Решать будет она. Что она скажет, так и будет. Вот это я решила точно.

Нарцисс: - А что она нового нам может сказать?

Венера: - Вашу любимую горькую правду.

Сцена вторая

Там же

Входит Эхо

Венера: - Вот она. Эхо, расскажи нам, что произошло на поле? Что послужило такой метаморфозе ночью?

Эхо: - Я не могу.

Венера: - Что случилось?

Эхо: - Я не могу ничего рассказать.

Венера: - Мы все собрались, чтобы узнать, наконец, правду.

Эхо: - Не будет правды. Так всем будет легче.

Венера: - Ты нам отказываешь в ней?

Эхо: - Да, я отказываю, потому что поняла, что мой рассказ нечестным будет. Всё нечестным будет. У каждого своя правда, и все догадываются, что здесь произошло. Но именно моя правда будет нечестной, потому что она многим не понравится. Всё будет нечестно, потому что мне не поверят. Нечестно, потому что ничего не изменится. И нечестно, потому что никто не будет наказан.

Венера: - А вдруг?

Эхо: - Такого быть не может.

Венера: - А ты поверь.

Эхо: - Не могу.

Венера: - Закрой глаза и поверь. Как в сказке, поверь, что добро победит зло. Скажи, кто должен быть наказан?

Эхо: - Тогда наказан пусть будет тот, кто больше всех ужаснется моему лицу.

Венера: - Покажи его всем.

Эхо обходит по очереди всех воинов. Те стараются смотреть ей в глаза и не стесняться.

Эхо: - Я вам не нравлюсь? Я так неприятна? Ты бы мог меня полюбить? А поцеловать? А ты? Не можешь? (*Поёт.*)

Полюби меня некрасивую,
Поцелуй меня неприятную,
Даже если не хочешь меня целовать,
То хотя бы скажи, что когда-то желал.

Ну почему ты не можешь меня поцеловать? Потому что я другая? Я не такая, как ты? Я не такая, как все? Я не так выгляжу? Я не так думаю? Я не так что-то делаю? И только из-за этого меня нельзя любить? Только из-за этого меня можно убить? Кто здесь смеется? Показалось. Неужели мои неправильные мысли, мои неправильные черты лица, мои неправильные поступки могут так смертельно вас раздражать, оскорблять, обижать? Чем я вас обидела? Неужели я не могу со своим мерзким лицом спокойно гулять по городу, плоско рассуждать вслух о том, что я думаю про вас и глупо мечтать о любви? *(Поёт.)*

Я мечтала о любви,
Рисовала твой портрет,
Пела песни я о нем,
Только рядом его нет.

Мы ведь можем все любить. Дайте себе такую возможность. Вы любите свое, а я буду любить то, что так дорого мне. Поцелуй меня. Не можешь. А ты? И ты? Никто не может меня полюбить. А ведь это так просто сказать: «Я люблю тебя» и отпустить меня на три-четыре стороны. И пока такие, как я, будут бродить по той стороне в поисках любви, вы будете жить на этой стороне в своих надежных чувствах. Ты улыбнулся. И ты. Я что-то смешное говорю? Чего вы улыбаетесь? Я такая смешная? Вам смешно от моих безрассудных слов? Ой, какая я наивная, какая я ужасная! Смейтесь. Улыбайтесь. Улыбайтесь чаще! Улыбайтесь, чтобы вам не было страшно от нас, таких страшных для вас. И чего же вы так нас боитесь? Улыбайтесь, воины. Вы умеете красиво улыбаться. Какая чудесная у вас улыбка. Одна на всех. Вас здорово штампуют. Удачи вам, ребята. Не забывайте улыбаться, когда вам ночью станет страшно. *(Глаза Эхо находят Нарцисса).* Ой, кто здесь. Меня зовут Эхо.

Нарцисс: - Эхо? Тебя зовут Эхо? Какое дурацкое имя.

Эхо: - Дело не в имени, а в моем лице. Вы видели что-нибудь ужаснее в своей жизни?

Нарцисс: - Только свет. Первый пронзительный свет, когда я родился и открыл глаза. По сравнению с тем светом твое лицо не так меня пугает.

Эхо: - Но вам не кажется странным, что молодая девушка так несправедливо выглядит?

Нарцисс: - Кажется.

Эхо: - Вы можете прикоснуться ко мне своей рукой?

Нарцисс: - Нет.

Эхо: - Погладить мою щеку?

Нарцисс: - Нет.

Эхо: - Уткнуться носом в мои волосы.

Нарцисс: - Тоже нет.

Эхо: - Нежно дотронуться своими губами до моих сухих губ?

Нарцисс: - Всегда нет.

Эхо: - А если за вас все сделаю я?

Нарцисс: - Лучше не надо.

Эхо: - Я попробую.

Нарцисс: - Стоп.

Эхо: - Опаньки! Вы покраснели. Вы не выдержали меня.

Нарцисс: - Да, редко, но я краснею.

Эхо: - Тогда пусть наказан будет он.

Венера: - Почему он?

Эхо: - Он еще умеет краснеть. Значит, он не так безнадежен.

Венера: - Может, он покраснел от злости?

Эхо: - Допустим. Но если злой человек совершит добро, его поступок будет называться злом или всё-таки добром?

Венера: - Добро и есть добро. Даже добро злого человека.

Эхо: - Значит, пусть он будет наказан своим добром.

Венера: - Но кто отличит добро? И как он должен быть наказан?

Эхо: - Не знаю, может, его добро я сумею отличить. Пусть он пойдет со мной скитаться, и пока не полюбит кого-нибудь, он сюда не вернется.

Венера: - Вы слышали, Нарцисс?

Нарцисс: - Да. Но это очень жестоко - кого-нибудь полюбить. По-настоящему полюбить. И вы ей позволите это сделать?

Венера: - Конечно.

Воины: - За что? – За убийство кукол? – Ведь трупов нет! – Нет и наказания. - Были только куклы – разве это преступление? - На куклах отпечатки наших пальцев. - Но не преследуют по закону за такое.

Венера: - Не по закону преследуют и не за такое. Бывают и страшнее наказания за малое. А Нарциссу крупно повезло. Не по закону, да, но Нарцисс наказан будет. Я вас отпускаю, но двоих. Без воинов. Посмотрим, что вы стоите, как человек, без них. И без своих приказов.

Нарцисс: - Оставьте мне хотя бы роту.

Венера: - Невыполнима ваша просьба.

Нарцисс: - Хотя бы половину.

Венера: - Нет. Но вам я дам осла.

Нарцисс: - Осла? Осла! Полроты за осла!

Венера: - Возьмите двух.

Нарцисс: - Вот это да! Эхо, я и два осла!

1-й осёл: - Иа.

2-й осёл: - Иа.

Нарцисс: - Сомнительный обмен.

Венера: - Неравноценный разве? Чем хуже одной роты два осла?

Нарцисс: - Тем, что на двух ослах теперь покоится судьба моя.

Венера: - Когда-то вся Земля покоилась на черепахе и медленно ползла по всей Вселенной. С двумя ослами вы быстрее доберетесь к своей цели. Только идите к ней уже скорее. Сегодня вечером! Прощайтесь с бывшей ротой, и в путь. Пока, Нарцисс. Пока, Эхо. Пока, осла. А мне пора. Я ухожу в кусты. (*Уходит*).

Эхо: - Я жду вас в восемь вечера у граба. Не заставляйте меня ждать. Вдруг кто обидит девушку. (*Поёт*.)

Обидеть девушку легко,
Не попросив прощения.
А как потом ей жить в слезах
Без смысла облегчения?

Или вот ещё:

Я устало открою глаза,
Когда взгляды будут не в моде.
Пока месяц светил на луне,
Ты дрожал на моем небосводе.

Вот так нам, девушкам, порою трудно жить. (*Уходит*).

1-й осёл: - Иа! Иа! (*Уходит*).

2-й осёл: - Иа! (*Уходит*).

Нарцисс: - Да уж. Денек нам выдался. И вечер предстоит не хуже и не лучше. И вся неделя. Целый месяц. Полгода. Год. Ну почему так резко судьба не прёт? Прощайте, мои воины. Мне плохо очень. Так плохо, что ничего приятного я не могу сказать вам.

Простите и прощайте. (*Уходит*).

Воины: - Что делать будем без него? – Как жить? – Как чувствовать? – Что думать? – Мы должны ему помочь? – Но как? – Хотя бы отомстить бы для начала. – Кому? – И как? – Есть одна забава! – Какая? – Если были куклы, значит, есть хозяйки. Кто играл с нами в куколки, пусть теперь поиграет с нами в солдатиков. – Отличная идея! – Все! - Замётано! – Вперед! (*Уходят*).

Сцена третья

В кустах

Венера

Венера: - Как много кустов. В нашей стране так много кустов. В них так тесно. Вот это и есть наша красивая природа. Она красиво разрывает одежды. Она мешает мне двигаться. Когда же начнутся луга, поля, пролески и поляны, где людям так легко бежать вперед? Красивая тяжелая природа! Она оставляет царапинки на моих руках, как отметки о прожитых годах. Когда же начнутся луга? И что-то приятно шумит впереди. Что-то незнакомое. Как будто море. Как больно ходить в наших кустах. Непролазные пуши, в которых так просто заплутаться. Один раз запутаешься здесь и заблудишься на всю жизнь. И как потом правильно выйти на поле? Как неловко быть правильной. А все ли правильно? Права ли я? Могу ли я считать себя правой? Нет, это непременно шум моря. Я хочу к нему. Но как выйти на поля? На наши изумительно красивые поля с этим головокружительным горизонтом и насыщенным запахом травяной свободы. Настолько насыщенным, что свобода начинает излучать слабость. Нет, никогда нельзя считать себя правой. Это ошибка. Надо сомневаться, сомневаться, сомневаться. А сомневается ли Нарцисс? Он кажется таким правым. Хоть раз он пытался вырваться на поле один с тощим заблуждением в груди? А вдруг сейчас заблуждаюсь я в поисках моря? Да, где же оно? Какой отчетливый шум моря, но я его не вижу. И эти противные кусты. А вдруг я такая же, как... Нет, только не это. Поле, цветы, травы, убранные луга, солома. Она портит обувь, изнуряет ступни. И красивые поля, любимые с детства, так вредят босым ногам. Почему все красивое причиняет мне боль? Где же море? Неужели его нет? Леса рвут кожу, кусты рвут кожу, луга рвут кожу. Я задыхаюсь. Где же море? Я хочу окунуться вся, вся, целиком, как я есть. Окунуться в морскую глубокую правду. Правду без берегов и буйков. Правду без станции проката. Правду со спасательным кругом. Так, где же море? Быстрее бы поля. За полями должно быть море. Я, наконец, окунусь в него. Поля, поля, быстрее покажитесь. Удобренные поля. Люди, ау! Ау! Вы слышите меня? Люди, отзовитесь! Где здесь море за полями? Не слышат. Никто меня не слышит. Все люди как поля. Удобренные люди. В стране всё удобряют и удобряют людей. Но что это за удобрения? Что из этих людей вырастет поздней осенью на почве с заморозками? Что? Человеческие корнеплоды с отмороженной ботвой? Я не хочу на такое поле. Уж лучше одним махом в море. Нырнуть и лечь у края дна, отстав от всех нечеловеческих проблем. Где же оно? Шум рядом. Я хочу омыться, очиститься, утонуть. Где же море? Его все нет. Почему у нас нет моря?! Что же это за страна без моря? Так нельзя. Но что все время так нещадно шумело? Да это же не море, боже. Это всего лишь сухое грудное молоко старых женщин хрустело под моими ногами. Какая жестокая сухость. Значит, моря в этой стране нет. Я в море истерично искала правду. А правды в этом море нет, и моря тоже нет. А есть ли море правды в ближайшей из галактик? Кусты, поля, кусты, рвите меня дальше.

Сцена четвертая

В центре города у граба

Два осла

1-й осёл: - Который час? Не торопитесь что-то Эхо спасти добро.

2-й осёл: - И Нарцисс не торопитесь найти свою любовь.

1-й осёл: - Зато мы поторопились спасти Нарцисса.

2-й осёл: - Так ведь нам оказано высокое доверие – спасти нового хозяина.
1-й осёл: - Да, у нас появился новый хозяин, и, как всегда, мы его не выбирали, а хозяин уже новый. И при этом мы должны его спасать, терпеть и слушать.
2-й осёл: - Даже если бы мы его выбрали, думаешь, он бы прислушивался к нам?
1-й осёл: - Вряд ли. Хотя на первых порах он бы дал нам много свежего душистого сена.
2-й осёл: - И этим сеном он на время заткнул бы нам рот. Радуйтесь, жуйте и молчите – в этом смысл добровольного счастья.
1-й осёл: - А, может, нам дали еще одну попытку испытать себя?
2-й осёл: - В чем?
1-й осёл: - На данный момент мы свободны. Мы можем спокойно уйти из города, а можем спокойно остаться у нашего хозяина.
2-й осёл: - Новая ослиная дилемма, которую надо решать очень быстро.
1-й осёл: - Раз, два, три. Побежали?
2-й осёл: - Бегом!

Ослы кружат вокруг граба, как цирковые лошади.

1-й осёл: - И долго мы так будем наматывать круги ада?
2-й осёл: - А я знаю? Я давно не был в столице. Ты узнаешь что-нибудь?
1-й осёл: - И да, и нет. Вроде бы все такое знакомое, но что-то не то.
2-й осёл: - Что именно не то?
1-й осёл: - Не те названия улиц на табличках, что прибиты к зданиям.
2-й осёл: - Как это не те? Если название указано на табличке, то оно правильное.
1-й осёл: - Как оно может быть правильным, если раньше оно было тоже правильным? Значит, оно или неправильным было раньше или сейчас.
2-й осёл: - Или потом.
1-й осёл: - Во-во!
2-й осёл: - Куда бежать? По какой улице? Давай по главному проспекту.
1-й осёл: - По какому главному? По правильному раньше или неправильному сейчас?
2-й осёл: - По правильному потом.
1-й осёл: - Это сложно для молодого осла. Я не знаю, какой он будет правильным потом, хотя могу только догадываться.
2-й осёл: - Да что же это такое? Из этого города невозможно выбраться. Малой, где окраина? Где деревни, дачи, поля?
1-й осёл: - Да - да! Где? Где поля? Нам надо на поля.
2-й осёл: - Посмотри, вспомни, может это наш проспект?
1-й осёл: - Может. Но я не помню. Я ничего, Серый, уже не помню. Поменялось одно лишь название, и память моя исчезла, стерлась вся информация. Вся.
2-й осёл: - Все проспекты переименованы. Я ничего не понимаю в этом городе.
1-й осёл: - А я? У меня развился топографический кретинизм. Бедный я осёл! Я заболел. О, горе! Горе! Горе!
2-й осёл: - Не реви. Возьми себя в копыта.
1-й осёл: - Как со всем этим покончить? Взорвать и уничтожить одним махом всё, или добить копытами всего лишь одного, чтоб стало легче всем?
2-й осёл: - Брось свои экстремальные взгляды.
1-й осёл: - Они не экстремальные, они экстремистские.
2-й осёл: - Осёл – экстремист – это звучит гордо!
1-й осёл: - Это звучит ужасно, как и осёл – скинхед, или осёл – трансвестит.
2-й осёл: - О, да. Ужасно, ужасно. Фу, фу, фи.
1-й осёл: - Перестань хабалить, Серый.

2-й осёл: - Извини.

1-й осёл: - Но вернемся к нашим баранам.

2-й осёл: - К Эхо и Нарциссу?

1-й осёл: - Я имел в виду: налево нам или направо?

2-й осёл: - Судя по вечерней расстановке сил, нам уже и не к левым не надо и не к правым, а только вперед или назад.

1-й осёл: - Тогда нам снова к грабу. Скоро восемь.

2-й осёл: - Сейчас придут Нарцисс и Эхо и выведут нас из города.

1-й осёл: - Наконец.

2-й осёл: - И навсегда, предчувствую.

Сцена пятая

Селение

Воины, местные жительницы

Воины: - У вас можно воды попросить? – Водички. – Воды. – Жажда мучает. – Пить хочется. – Почему молчите? – Нам вода нужна. – Холодная такая. – Прохладная. - Аш два о называется. – Вода то есть. – Вода.

Жительницы: - Они не просят молоко. – Странно. - Это хорошая примета. – Зато плохой повод. – Визит не вовремя.

Воины: - Бла-бла. - Догадались. – Наверное, да. - Темнят. – Мудрят. – Хитро глядят. - Еще как темнят-темнят. – Молчат и думают.

Жительницы: - С водой у нас проблемы. – А как вы нас нашли? – Как?

Воины: - Бла-бла. - Мы пришли по дорожке из сухого белого порошка. – Слишком приметная белая дорожка. – Даже поздним вечером видна. – Идешь, и хруст стоит. – Бла-бла. - Насыпали вы слишком много порошка.

Жительницы: - Это молоко. – Наше молоко.

Воины: - Бла-бла-бла. Бла-бла-бла. - Хрустит печально молоко в ночи.

Жительницы: – Соски набухли вновь. – Молоко прибывает. – Сейчас будет сыпаться. – Шипеть по телу. – Отвернитесь. – Не смотрите вы на нас.

Воины: – Да не краснейте уже так. – Осыпьте белым молоком лицо, чтоб спрятать стыд.

Жительницы: - Мы собирались кормить внуков. – У нас ужин. – Не хотите нашего молока попить?

Воины: - Нам нужна была вода. – Бла-бла. – Такого молока не надо нам.

Жительницы: - Молоко наше вкусное тоже. – Вкусней любой воды. – И аппетитней. – Полезней, кстати. - Очень сытное. - Наши внуки любят его. – Они быстро из-за сухого молока вырастают. – Пока тела наши старые тают. - Мы молоком их своим вскормили.

Воины: - Неужели? - Вот этим молоком? – Этим бессмысленным сухим молоком вперемешку с сухими дряблыми мыслями о несуществующих в мире понятиях? – Бла-бла.

Жительницы: - Наши понятия существуют. – Должны существовать. – Мы в них верим. – Они нам нужны.

Воины: - А кому они еще нужны? – Бла-бла-бла. – Зачем они вам нужны? - Зачем вы вообще нужны? – Особенно нам. – Нашей стране. – Ей не нужны ваши понятия. – И вы ей не нужны. – Не нужны. – Не нужны. – Совсем. – Бла-бла -бла.

Жительницы: - Не вам судить. – Воды у нас чистой нет. – Так и знайте. – Есть только вода, разбавленная молоком. – Не нравится? Не пейте. – Скоро ночь. У нас еще много работы. – И уходите. – Уходите, пока молоко не сбежало.

Воины: - Бла-бла-бла. - Нам некуда уходить. – Из-за вас. – Остались мы одни. – И не спешим. - Все из-за вас случилось. – Нам некуда идти. – Мы пришли к вам, чтобы так и сказать, что вы виновны. – Виновны в нашем групповом одиночестве. – Мы страдаем очень. - И вы виновны очень! – Смертельно виноваты.

Жительницы: - Мы так не думаем. – Не думаем мы так. – Наши мысли заняты другими идеями. – О вас нам думать некогда. – Вот так.

Воины: - Бла-бла! - А мы сейчас проверим. – Думаете вы там. - Или не думаете. – Бла-бла. - И что вы там думаете? - Бла-бла. - Сейчас узнаем с помощью оружия. – Привет, оружие. – Готовьтесь на проверку.

Жительницы: - Нам некогда мысли свои проверять. – Что мы думаем, мы и так знаем. – Без вас. – Уходите. – Нет в наших мыслях вас. – И даже не мечтайте вы об этом. – Хоть мечтать не вредно.

Воины: - Бла-бла-бла. – Бла-бла-бла. – Стреляйте в их продолговатый мозг. – Бла-бла-бла. – Продолговатый мозг связан с органами пищеварения. – Пиф-паф. Пиф-паф. – И с органами дыхания! – Пиф-паф! – Пиф-паф! - Больше не будет из вас сыпаться молоко. – Пиф-паф. – Пиф-паф. – Вы не будете больше жевать. – Глотать. – Дышать и кашлять. – Пиф-паф. – Пиф-паф.

Жительницы: - Пропало молоко. – Ой, пропало молоко. – Пропало! – Беда пришла, а молоко пропало.

Воины: - Бла-бла-бла. – Бла-бла-бла. – Цельтесь теперь в их мозжечок. – Огонь! – Пиф-паф. – Пиф-паф. – Мозжечок отвечает за координацию движений. - Двигайтесь – это круто! – Пиф-паф. - I like to move it, move it. – Пиф-паф. - I like to move it, move it. - Пиф-паф. – Пиф-паф.

Жительницы: - Куда я побежала? – Куда ты побежала? - Побежали налево. – Нет, побежали направо. - Это не лево. - Это не право. - Прямо. - Все прямо. - Это не право. - Как вы не правы.

Воины: - Бла-бла-бла. – Пиф-паф. – Стреляем теперь в средний мозг. – В нем расположены центры слуха и зрения. – Пиф-паф. – Теряйте чужие слова. – Пиф-паф. – Теряйте родные силуэты. – Пиф-паф. – Пиф-паф. – Пиф-паф.

Жительницы: - Как потемнело резко! – Сплошная мгла и ночь! – А кто здесь? Кто здесь? – Кто здесь?

Воины: - Пиф-паф! – Пиф-паф! – Пиф-паф.

Жительницы: - Я ничего не вижу и не слышу. – Наконец, закончилось все для меня. – Не буду видеть этот мир. – Не буду слышать эти звуки. – The best! – The best! – Прекрасно!

Воины: - Вот добрались мы и до мыслей. – Стреляйте точно! – Стреляйте сочно влево. – В левое полушарие им цельтесь. - Пиф-паф! – Пиф-паф! – Пиф-паф. – Какие мысли!

Жительницы: - Луна прямая, как стекло. – Дорога сладкая, как платье. – The best! – The best! - Всю жизнь коверкалась легко. - The best! – The best! – А красное хуже мягкого. – Конечно.

Воины: - Бла-бла. – Какие фривольные мысли! – Бла-бла. – Они достойны извинений. – Бла-бла. – Пиф-паф. – Пиф-паф. – Поведайте нам что-нибудь ещё! - Крылатое. – Из раннего! – Браво.

Жительницы: - Старое лучше пушистого. – Позволь себе пять фрагментов. – Собери всю мебель вчера и сложи из картинок свободу. – Моя вторая кожа дерзка и невоспитанна немного. – Я испытала финиш. – Добавь мне пикантности утром. – Учитесь пожелать им удивлять проникновенно вскоре, да.

Воины: - Бла-бла. – Бла-бла. – Недурно. – Мысли стали лучше. – Чище. – Они так меня обескураживают. – Скромны они теперь. – Беспечно себя ведут. – Небезупречно. – Пиф-паф. – Нужны нам ваши мысли! Как же! – Другие части тела пригодятся. – Возможно. – Соберем свой урожай частей телесных позже, а пока за дело. - Отныне цельтесь вправо. – Правое полушарие ударит по их чувствам. – По образам. – И впечатленьям! – Пиф-паф. – Пиф-паф. – Пиф-паф.

льдом замерзшей свободы. Еще немного ты отстанешь, и мы навсегда потеряемся в нашей стране.

Эхо: - Подождите меня. У меня замерзают не мысли, а совершенно другие органы от ваших слов.

Нарцисс: - Я тебя согрею, если это будет жизненно необходимо. Я даже накормлю тебя, если это будет жизненно необходимо, молодым ослиным мясом.

Эхо: - Нет.

Нарцисс: - А почему нет? Если есть ослы, значит, есть и мясо. Ослов можно спокойно принести в жертву, потому что ослы на сегодняшний день – самые лучшие жертвы.

Ослы печально смотрят друг на друга.

Эхо: - Я не так голодна, чтобы предавать ослов.

Нарцисс: - Разве это предательство? Это смысл жизни.

Эхо: - В чем смысл? (*Падает от усталости*).

Нарцисс: - В жертвовании собой ради других, ради великой цели. Ну вот, привал. Я тоже в данный момент жертва. Невидимый хозяин жертвует мной ради какой-то миссии под названием любовь или какой-нибудь другой, о которой я пока не помышляю. Поэтому и ослы рано или поздно должны совершить непостижимый акт благородства.

Эхо: - Быть нами съеденными? Очень благородно.

Нарцисс: - Если за этим стоит идея, то очень.

Эхо: - Очень?

Нарцисс: - Ну не то, чтобы очень! Но очень, очень, очень.

Эхо: - Ладно. Об ослах ни слова.

Нарцисс: - Ты долго будешь лежать?

Эхо: - Не всю жизнь – обещаю. Говорят, вы были женаты когда-то.

Нарцисс: - Только говорят. А что скрывается за этим вопросом?

Эхо: - Надоели мне философские беседы. Расскажите лучше о себе.

Нарцисс: - Почему я незнакомым людям должен раскрывать свои тайны?

Эхо: - Потому что незнакомым легче.

Нарцисс: - Легче, но не допустимо. Я никого не допускаю в свой мир. Он недостижим ни для кого. Мы должны идти.

Эхо: - Вы еще успеете влюбиться до конца жизни.

Нарцисс: - А вдруг нет? Мне надо бежать, а ты мне только мешаешь. Погода меняется. Очнулась осень и гриппует.

Эхо: - Вы хотите успеть до морозов?

Нарцисс: - Неплохо было бы. Мудрецы утверждают, что любовь согревает. Надо это проверить. Какие тучи по небу идут!

Эхо: - Где-то началась война.

Нарцисс: - Она погубит урожай.

Эхо: - Это уже не актуально для вас. Успокойтесь.

Нарцисс: - Я не из тех людей, кто быстро успокаивается.

Эхо: - На один вечер вас можно попросить успокоиться?

Нарцисс: - Только на один. Располагайтесь. Разведите костер, пока я буду гулять в одиночестве. Не люблю, когда путают мои мысли.

Эхо: - Хорошо. Я поддержу костер.

Нарцисс: - Было бы неплохо. Все дни играло солнце. Везде сухие ветви. Ищите их.

Эхо: - Конечно. Я люблю собирать сухие ветви. Приятное занятие для ума.

Нарцисс: - Не знал, не знал.

Эхо: - Да, я знакома со многими умными людьми, которые собирают хворост.

Нарцисс: - Понятно. Тем полезнее для них. Пусть лучше собирают сухостой, чем сухо думают.

Эхо: - Да, лучше собирать его, чем искать по миру любовь.

Нарцисс: - Ты можешь быть и злой.

Эхо: - Злой быть легко, попробуйте быть добрым понарошку.

Нарцисс: - Начну сегодня же учиться.

Эхо: - Ну-ну.

Уходят по своим делам.

Сцена вторая
У робкого костра
Два осла

1-й осёл: - Ты слышал все?

2-й осёл: - Еще бы. Мы получили все ответы на один вопрос.

1-й осёл: - И, к сожалению, ответ один: мы жертвы.

2-й осёл: - Надо было убежать тогда.

1-й осёл: - Так, может быть, не поздно, милый мой, любимый Серый?

2-й осёл: - Куда бежать, Малой? На востоке мы замерзнем в тундре, на север нас не пустят, на западе нас вряд ли ждут. Но если хорошенько постараться...

1-й осёл: - А, может быть, рванем на юг?

2-й осёл: - На юге слишком много апельсинов. А мы, ослы, так ничего и не поняли в этих оранжевых цитрусовых.

1-й осёл: - А здесь мы тоже ничего не поняли.

2-й осёл: - И нас здесь не поняли.

1-й осёл: - Нас не пускают на городские площади и не разрешают нам встречаться вместе. Не понимают наш родной язык или не хотят понимать. Так значит, дикими свободными ослами мы никогда не станем?

2-й осёл: - Не в этой жизни.

1-й осёл: - Домашние ослы, достойные свободы. Другой хозяин. Четвертый, пятый и двадцатый. А смысл один и тот же. Страшный смысл.

2-й осёл: - Весь смысл в смерти. И в ней мы обретем свободу. И там мы станем вольными и дикими ослами.

1-й осёл: - А ты не боишься?

2-й осёл: - Чуть-чуть.

1-й осёл: - И я боюсь чуть-чуть.

2-й осёл: - Но это же всего чуть-чуть. Так зачем нам, ослам, еще и бояться за такую запрещенную неполную жизнь? Это слишком. Теперь нам будет не страшно. Теперь мы умрем, и ни один, даже самый шестидесятый хозяин не запретит нам это сделать.

1-й осёл: - А что будет потом? Что на земле останется от нас наутро возле этого робкого костра?

2-й осёл: - От нас останется наверняка жажда большой справедливости.

1-й осёл: - Тогда помоги мне стать свободным. Убей меня.

2-й осёл: - Прости меня, если я поврежу твою мордочку. Она была так мила для меня.

1-й осёл: - Ничего страшного. А как ты умрешь? Кто тебе поможет уйти?

2-й осёл: - Ты что, Малой? Как только ты перестанешь дышать, я сразу же умру от горя.

1-й осёл: - Здорово. Хочешь, я почешу на прощание твои серые трогательные ушки?

2-й осёл: - Конечно, хочу. (*Уши наклоняются навстречу нежности*).

1-й осёл: - Нравится?

2-й осёл: - Ой, как славно. Как в детстве.

1-й осёл: - Ушки, ушки, слушайте меня, запоминайте мой голос, улавливайте мои слова, сохраните их на вечную память.

2-й осёл: - Они сохранят, а глаза запомнят твой ласковый счастливый образ, мой юный свободный ослик.

1-й осёл: - Всё. Теперь приступай.

Серый мягко начинает убивать.

2-й осёл: - Тебе не больно?

1-й осёл: - Раньше было больно. Теперь легко.

2-й осёл: - Терпи. Кто постигнет боль, тот достигнет свободы.

1-й осёл: - Это точно. Заканчивай со мной быстрее. Мне больно на тебя смотреть.

2-й осёл: - Прости. Я всегда был быстрым, но сегодня особенный вечер. Я не могу совладать со своей скоростью.

1-й осёл: - А я всегда был медленным. И, стало быть, я медленно умру.

2-й осёл: - Тебе никто не говорил, что ты очень красиво ходил?

1-й осёл: - Нет. Только ты. Сейчас.

2-й осёл: - Я вслух всегда злился на твои опоздания, неспешность, но внутри всегда млеял от твоей походки. Почти как у модели.

1-й осёл: - Ну уж?

2-й осёл: - Даже лучше. Потому что это шел ты навстречу мне.

1-й осёл: - Спасибо. Извини меня, Серый, но когда ты в последний раз свои копыта мыл?

2-й осёл: - Малой, свобода не воняет. Дыши свободно полной грудью.

1-й осёл: - Хорошо. Вот только дышать свободно тяжело под тяжестью твоей.

2-й осёл: - Твоя молодость сопротивляется мне. Что-то не так?

1-й осёл: - Все так. Но будь со мной нежнее.

2-й осёл: - Я не умею убивать. Прости.

1-й осёл: - Прощаю, мой любимый убийца.

2-й осёл: - Неужели я всё это вижу в последний раз? И твою нежную улыбку, всегда появлявшуюся, когда на глаза попадало солнце? И твои длинные мохнатые ресницы, щекотавшие мои мечты? И твои красивые уголки в губах, которые рассказывали мне смешные и невинные истории? И твою ласковую шею, которую я скоро переломлю? Я это еще увижу, когда ты уже будешь не со мной, мой Малой. Бог с ослиной головой, что же это такое происходит?

1-й осёл: - Ты плачешь, Серый. Плачешь без слезоточивого газа!

2-й осёл: - Не смотри на меня.

1-й осёл: - Как ты прекрасен в слезах!

2-й осёл: - Прекрати.

1-й осёл: - Какой ты красивый, Серый. Я раньше не замечал этого. Я только знал, что у меня отличный друг. И никогда я в своем друге не видел такую глубокую красоту в каждой слезе.

2-й осёл: - Перестань.

1-й осёл: - Твоя красота блестит, переливается, сверкает.

2-й осёл: - Пожалуйста.

1-й осёл: - Твоя красота льется на меня. Увлажняет меня. Такая соленая красота! Мама, мамочка, как больно...

2-й осёл: - Прости меня, Малой, прости, прости, прости.

Малой обретает свободу.

2-й осёл: - Малой, ты всё? Ты уже всё? Всё? Всё..... Сердце мое, скорее останавливайся. Давай. Давай! Давай! Не стучи так громко. Заткнись! Заткнись, пожалуйста, заткнись. Сколько можно тебе так долго и бесполезно шуметь? Малой, мой Малой. Возможно, мне надо было сказать, что я тебя люблю. Но это не то, о чем все бы подумали. Я люблю тебя ровно настолько, насколько ты покрываешь своим существованием мой мир. Я не хочу, чтобы ты замерзал, Малой. Я обниму тебя и согрею. Обниму так крепко, чтобы твоя обретенная свобода заразила всё моё тело. Всё полностью от копыт до ушей. Как нам становится тепло, Малой. Я уже чувствую её... (*У Серого разрывается сердце*).

Сцена третья

Там же

Нарцисс, Эхо, два мертвых осла

Эхо приносит хворост и видит мертвых ослов. Она садится рядом с ними и гладит живот Малого. Возвращается Нарцисс и замирает.

Эхо: - Он мертв. И он мертв.

Нарцисс: - И ты, осёл? Все бросили меня!

Эхо: - У них такой был путь.

Нарцисс: - Ну, что это такое? Почему это со мной? Почему со мной? Ни с ним, ни с той, а только всё со мной? Мне это всё не нравится. Не нравится мне всё.

Эхо: - Тебе печально?

Нарцисс: - Отстаньте от меня. Оставьте одного в покое!

Эхо: - Пожалуйста, не вымещай на мне всю злость. Я не заслужила таких упреков.

Нарцисс: - Мне плохо. Не нравится всё это мне. Наверное, депрессия пришла. Нарядная депрессия, которая гуляет по ночам и пристает к мужчинам, клянется им в верности и тащит их в постель. Мне это всё не нравится.

Эхо: - Как неожиданно ты стал вдруг некрасивым.

Нарцисс: - Такие перепады перемен. То власть, то одиночество.

Эхо: - Неравноценные понятия.

Нарцисс: - Но мне и от таких не лучше.

Эхо: - Так жалко осликов?

Нарцисс: - При чем же здесь ослы? Мне жалко... жалко этой ночи, что нам не светит. Мне жалко этого костра, что освещает нам же нас и больше ничего. Мне жалко утра, которое настанет вдруг, зачем-то. И жалко мне меня, конечно. Не знаю почему. Так неприятно себя жалеть, но я страдаю.

Эхо: - Хочешь, тебя я пожалею?

Нарцисс: - Ай.

Эхо: - Как ослика. Поглажу твой животик. Согрею у костра собой, и непременно тебе станет легче, и ты уснешь приятно.

Нарцисс: - Как неудобно вас просить об этом.

Эхо: - Пустяки. Не надо меня просить. Я сама все сделаю тебе.

Нарцисс: - И соглашаться неудобно на ваши предложения.

Эхо: - Не соглашайся. Не надо соглашаться. Ни в коем случае.

Нарцисс: - А что тогда мне сотворить еще?

Эхо: - Садись здесь рядом, а я сама нагло и бесстыже подсяду ближе, еще ближе и пожалею всего тебя.

Нарцисс: - Сажусь. Только не сразу вы меня жалеть садитесь ближе, еще ближе, ближе, ближе. Мне может не понравиться.

Эхо: - Я позже незаметно подкрадусь.

Нарцисс: - Чем незаметнее, тем лучше. Заканчивается хворост.

Эхо: - Сейчас подброшу. Покормлю костер.

Нарцисс: - А вы в огнях костра не так ужасны. Костер красиво играет на лице, и светотени вас украшают. Вы правильно меняетесь под треском искр.

Эхо: - Меняюсь? Значит, надо было дожидаться тьмы, чтоб стал ты замечать такую, как меня. Может, ты заметишь и других?

Нарцисс: - Пока не пробовал.

Эхо: - Ты их не видел ночью.

Нарцисс: - Только днем. И то всё больше по чужим рассказам.

Эхо: - Ты весь дрожишь. Холодный.

Нарцисс: - Так надо.

Эхо: - Сегодня ляжем вместе.

Нарцисс: - Как ослы?

Эхо: - Да, как они, сплетенные в любви. Так мы не замерзнем.

Нарцисс: - Спасибо вам за все. Сегодня я какой-то добрый и душевный. Не обещаю, что таким я буду на рассвете. В тумане мы меняемся от влажности. Заранее простите, если что не так.

Эхо: - Сегодня я тоже очень добрая и прощаю всех. До завтра. Спокойной ночи.

Нарцисс: - Доброй ночи.

Вдали одиноко воет серый волк. Костер почти затухает.

Сцена четвертая

На заброшенных рельсах

Нарцисс, Эхо, позже воины

Эхо: - Такой приятной была ночь и звездной.

Нарцисс: - Да ну. Ночь как ночь. Закончилась и слава... этому...

Эхо: - Ты ничего не хочешь вспоминать?

Нарцисс: - А что мне вспоминать? Свою мимолетную слабость? Не будет этого. Считай, что костер потух, и всё потухло, что было рядом с ним.

Эхо: - Лучше бы я его и не зажигала.

Нарцисс: - Никто не знает, что ждет нас на рассвете.

Эхо: - Завесь окна черной тканью, и ночь продлится очень долго. Ночь счастья. Одна ночь без завтра-послезавтра.

Нарцисс: - Как у тебя все просто.

Эхо: - Да если бы так просто, то не было б меня с тобою рядом.

Нарцисс: - Так давай не будем усложнять наши отношения.

Эхо: - Они и так сложны чрезмерно. Более усложнять их невозможно, а чтобы облегчить – так надо постараться нам вдвоем.

Нарцисс: - Если так угодно будет нам.

Эхо и Нарцисса догоняют воины.

Воины: - Добрый день. - Мы на минутку. – Нам так хотелось тебя увидеть. – Немного. - Помочь тебе. – И поддержать. – Как мы скучали. - И мы сбежали, чтобы вас нагнать. – Мы долго добирались.

Нарцисс: - Как славно. Как дела у вас?

Воины: - Увы. – Пока неважно. – Так себе. – Предчувствия не из лучших. – Но будем жить.

Нарцисс: - Это главное.

Воины: - Как ты? – Любовь нашел? – Что нового?

Нарцисс: - Я ни то, ни сё. Ни вам, ни нам. Ни здесь, ни там. Я с ней, не с ней.

Воины: - Запутанно. – Неясно. – Грустно очень. – Это осень.

Нарцисс: - Осенью все замирает. И я – куплет из тех же песен.

Воины: - Мы тебе поможем. – Чтобы раньше времени ты не увял. – И зиму пережил. – Мы сдали кровь. – Тебе к лицу румянец. – Станет дурно, выпей нашу кровь.

Нарцисс: - Спасибо, доноры мои. Я тронут.

Воины: - Это еще не все. – Мы собрали богатый урожай различных органов. – Не важно, что старые они. – Сильно перезрели. – Но количество их фантастично.

Нарцисс: - Что здесь у вас?

Воины: - Замерзнут пальцы, а у тебя их сотни. – Для рук и ног причем. – Комплект готовый. – Полный. – НЗ.

Эхо: - Кто мог подумать!

Нарцисс: - Тише. Что еще?

Воины: - Добыли мы на всякий случай почки, печень. – И кишечник. – Три километра запасных кишок. – Не перелезть, как через колючий провод. – Кишки на всякий случай. – Экстра! - В жизни все бывает.

Нарцисс: - Кровавый урожай. Хвалю.

Воины: - Есть волосы еще.

Нарцисс: - Черные? Русые?

Воины: - Да больше всё седые. – Но мало ли? – Седые тоже прочны.

Нарцисс: – Смотри на что.

Воины: - На всё. – На многое. – Из волос всякое создать же можно.

Эхо: - Были бы иголки, а мундир сошьется.

Нарцисс: - Надеюсь, больше ничего у вас?

Воины: - Ну почему же? – Обижаете. – Есть и ногти. – Вдруг твои сотрутся. – И кожа! – Много кожи. – Вдруг твоя износится. – И треснет в двух местах. – Нечаянно. – Под проливным дождем.

Нарцисс: - Еще?

Воины: - Глаза потухшие. – Носы холодные. – Губы опухшие. – Ресницы хрупкие. – Уши вялые. – Зубы сточенные. – Отличный second face!

Нарцисс: - Это лишнее. Существеннее что-нибудь имеете?

Воины: - Пожалуй, всё. – Но можно пистолет. – Один. – Один из нас пожертвует своим. – Не обязательно нам всем иметь оружие. – Пусть один из нас умрет когда-нибудь своей смертью. – В своей постели. – В глубокой старости. – Хоть один когда-нибудь умрет счастливым своей смертью.

Нарцисс: - Я только пистолет возьму. Все остальное себе оставьте. Возможно, для вас ценнее будут органы, чем мне.

Воины: - Не хочешь? – Не нравятся подарки? – Мы так старались. – Мы так хотели понравиться. – Не получилось.

Нарцисс: - Понравилось и даже очень. Но в тягость мне они. Их тяжело носить мне, а пистолет намного легче одного глаза пусть даже и потухшего.

Воины: - Хорошо. – Договорились. – Мы пойдем?

Нарцисс: - Конечно. Я не в силах вас держать. Вы не торопитесь?

Воины: - Торопимся. – Наверное. – Не очень. – Нас тяготит один вопрос. - И больше всего хотели мы узнать, как ты к нам относишься?

Нарцисс: - Я вас ценю безмерно.

Воины: - Ценю? – Безмерно.

Нарцисс: - Ценил когда-то.

Воины: - Ценил? – И всё? – И всё?

Нарцисс: - Не понимаю вас. И уважал еще.

Воины: - И уважал. – Еще. - Подумать только. - И это всё?

Нарцисс: - А что ещё хотите от меня?

Воины: - Ты нас любил? – Хоть чуть-чуть? – Немного? – Малость?

Нарцисс: - Любил? И вы о том же. Наверное, я нет.

Воины: - Мы так и думали. – И чувствовали. – Знали. - У нас одна лишь маленькая просьба. – Намного меньше всей твоей любви.

Нарцисс: - Как не люблю я просьбы.

Воины: – Одна. – Всего одна! – Согласен?

Нарцисс: - Что?

Воины: - Поцелуй нас в первый и последний раз.

Нарцисс: - Как странно.

Воины: - Нам очень надо. – Очень это надо. – Как жизнь. – Как воздух. – Кислород. – Как жабры. – Кровь. – Пожалуйста, поцелуй меня. – И меня. – И меня. – И меня! – И меня! – И меня! – И меня! – И меня!

Нарцисс: - Ну, если надо вам как жизнь, то я согласен. (*Нарцисс целует воинов*).

Понравилось? Вам легче? Вы довольны?

Воины: - Теперь довольны. – Конечно. – Да.

Нарцисс: - Скажите, а вы меня любили всё то время, что мне служили? Искренне и трепетно любили вы меня?

Воины: - Любили? – Мы любили? – Какое там любили! – Мы тебя боялись! – Боялись жутко! – А вот этим протокольным поцелуем ты спас от страха нас. – Избавил от кошмара. – Давно мы ждали... - ...чтоб хоть раз как папа... - ...пьяный в стельку... - ...побив ремнем маленького сына... - ...ты раскаялся! – И ночью подошел тихонько к постельке... - ...и поцеловал в слезах ребенка. – А тот от счастья бы описался. – От счастья! – Не от страха! – Не от страха, как писались мы ночью от твоей любви когда-то.

Нарцисс: - Спасибо за представление. Я тронут.

Воины: - И тебе спасибо. – Огромное. – Спасибо за поцелуи. – Мы вечно будем помнить их вкус. – И цвет. – И запах. - До свидания. (*Воины, уходя, неумело посылают Нарциссу воздушные поцелуи*).

Сцена пятая

У лужи

Нарцисс, Эхо

Нарцисс: - Лужа, утро, туман. Останемся у лужи.

Эхо: - Мне кажется или нет? У тебя заплаканные глаза?

Нарцисс: - Нам только кажется. Мы видим, а нам кажется. Мы слышим, а нам кажется. И то, что кажется, нам тоже кажется. Ослы мне часто снятся. Сегодня ночью тоже. Во сне они шалили в поле, пребывали в неге, качались в зарослях и радовались жизни. А тебе ослы не снятся?

Эхо: - Да ну их, мертвых.

Нарцисс: - Что?

Эхо: - Ты меня не слышишь?

Нарцисс: - Потому что ты плохо говоришь.

Эхо: - Всё я плохо делаю: и говорю, и рассуждаю, и выгляжу. Может, и меня пора к ослам отправить?

Нарцисс: - Об ослах слова твои не в тему.

Эхо: - Я давно ждала, что стану я сама ни темой, ни идеей, ни мотивом, ни напевом, ни припевом.

Нарцисс: - Вот и дождалась.

Эхо: - Да. Дождалась, упрямая ослица. А теперь у лужи этой стоя, я скажу тебе, что я пошла за тобой не потому, что я верила тебе или принимала все твои мысли. Я пошла за

тобой, чтобы понять тебя, и чтобы ты понял меня. Я хотела спасти тебя и хотела, чтобы ты спас меня. Мы нужны были друг другу.

Нарцисс: - Не нужны.

Эхо: - Неправда. Посмотри на меня. Неужели мы такие разные, что не можем слиться друг в друге?

Нарцисс: - Очень разные. В нашей стране мы несовместимо разные.

Эхо: - Вся наша страна – всего лишь большая лужа в центре мира, а мы вокруг нее сейчас стоим. Стоим и смотрим. Смотрим и боимся протянуть друг другу нежно и спокойно свои мысли.

Нарцисс: - Замолчи.

Эхо: - Тебе не нравятся мои слова? Тогда закрой мне рот. Хочешь закрыть его навсегда? Тогда выполни одну мою просьбу.

Нарцисс: - И ты о просьбе.

Эхо: - Только одну. Не отказывай мне. Ведь своим воинам ты не отказал. Не смел. А чем я хуже воинов? Ничем. А чем я лучше их? Ничем. Такие же грехи, такие же сомнения, такое же желание любви.

Нарцисс: - Что ты хочешь в последний раз?

Эхо: - Поцелуй меня тоже.

Нарцисс: - В этой жизни мне хватило уже поцелуев.

Эхо: - Тебе не хватает только одного. И ты меня сейчас поцелуешь. Но только поцелуй меня так сильно, так мощно, так страстно, как только ты можешь поцеловать. И если ты ничего не почувствуешь, то оставь мне на всю жизнь след, как память о невозможной любви.

Нарцисс: - Какой еще след?

Эхо: - Откуси мне язык, чтобы я больше ничего уже не просила ни у тебя, ни у бога.

Нарцисс: - Как все вы мне надоели.

Эхо: - Я преклоняю пред тобой свои губы.

Язык Нарцисса медленно движется навстречу языку Эхо. Как лениво проснувшиеся змеи, языки осторожно изучают себя, чтобы нечаянно не разозлиться. Затем они крепко сжимаются и готовятся к взлету. Стремительно поднявшись к нёбу, языки порхают во рту, как две неискушенные молодые стрекозы, второпях и глупо нашедшие друг друга. Их легкий полет обрывает крик Эхо, разрушивший замолчавший было воздух.

Эхо: - Мммм. Кровь...

Нарцисс: - Я нечаянно.

Эхо: - Как больно говорить...

Нарцисс: - Всем больно говорить.

Эхо: - Вытри мою кровь с себя...

Нарцисс: - Какой противный голос.

Эхо: - Снова больно... Кровь течет...

Нарцисс: - Я не знаю, как это вышло.

Эхо: - Я больше не смогу говорить... Наконец... Только думать... Кому нужны мои мысли без слов... Теперь я снова свободна...

Нарцисс: - Это сделал не я.

Эхо: - Я обрела себя... Я свободна без языка... Спасибо... Я свободна внутри... А это уже много...

Нарцисс: - Это не я.

Эхо: - Это намного больше страха и боли... Это намного больше тебя... *(Убегает)*.

Нарцисс: - Куда ты? Зачем? Стой! Это не я! Это был не я! Я не мог откусить твой язык! Я никогда ничего не совершал! Я только думал, но ничего не делал. Я только говорил, но сам ничего не исполнял. Я только думал. Какие быстрые мысли. Какие быстрые мои мысли! Но я только думал! Но это же делал не я! Не я! Не я! Не я! Мои мысли – это не я! Ещё не я! Не весь я!

Туман постепенно всё закрывает.

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

У лужи

Два странствующих монаха

1-й монах: - Куда это мы попали?

2-й монах: - Представляешь, мы снова на сцене.

1-й монах: - Нет!

2-й монах: - Да.

1-й монах: - Снова на сцене, и снова не знаем, что нам делать.

2-й монах: - Может, молиться? Но мы уже молились. Не помогает.

1-й монах: - Пора действовать.

2-й монах: - Только не это. Такая лень. Хоть лень и смертный грех, но лучше грешить смертельно, чем действовать смертельно по статье.

1-й монах: - Что за статья?

2-й монах: - Ее еще не придумали, но это дело двух секунд. Фантазия людская безграничной иногда бывает. Статей придумать можно за всякие проступки больше, чем звезд на небе. А на небе много звезд.

1-й монах: - А сколько черных дыр на небе!

2-й монах: - О! Уж лучше сразу в ад по безобидному обвинению в тягучей лени.

1-й монах: - Ты всего боишься.

2-й монах: - Да, боюсь. Но я горд своей боязнью. И гордо говорю, что я боюсь. Это честнее, чем молча быть на кухне смелым.

1-й монах: - Смотри. Что это?

2-й монах: - Какой-то орган.

1-й монах: - Человека?

2-й монах: - Вполне возможно. Скорей всего, язык.

1-й монах: - Язык? Какой кошмар. У нас в стране спокойно языки лежат у лужи.

2-й монах: - Если спокойно лежат и ничего не говорят, то это не кошмар у нас в стране, а даже наоборот признак стабильности.

1-й монах: - Еще влажный, свежий и не высох. Интересно, он принадлежал до этого мужчине или женщине?

2-й монах: - Судя по истертым линиям, его содержала хозяйка.

1-й монах: - Но почему он здесь лежит бесхозно? Он выпал сам или он наказан за болтовню нелепую свою?

2-й монах: - Не знаю я, не знаю.

1-й монах: - Смотри, следы укуса.

2-й монах: - Он оторван! Какое преступление!

1-й монах: - Невесело у лужи проводили время люди.

2-й монах: - Что же ты, язык, такое рассказал, что так жестоко расстался с головою?

1-й монах: - Давай проверим.

2-й монах: - Как?

1-й монах: - Попробуем его в свой рот поставить. Вдруг заговорит?

2-й монах: - Безумие крепчает в молодых твоих мозгах.

1-й монах: - А вдруг получится?

2-й монах: - Тогда ты первый.

Первый монах подбирает язык и кладет себе в рот.

1-й монах: - О чем мне рассуждать?

2-й монах: - Попробуй о родине.

1-й монах: - Итак. Вещай чужой язык. О, Родины! Вам имя всем Коварство. А я же вас любила в детстве!

2-й монах: - Ой, не могу! Любила!

1-й монах: - Да, любила сильно, пока маленькая была. Со мной вы, Родины, через кошек говорили и цветами шептали откровенные слова. А я в ответ была готова босыми ногами радостно по вашим землям бежать. Я смело искала на школьной карте ваши знакомые черты, рукой по границам проводила и чувствовала ладонью только там тепло. Но что же с возрастом со мною стало? Я здесь с вами, но я, по-моему, пропала. Ведь наша перспектива не совпала.

2-й монах: - У этого языка на верхней поверхности много грусти в крамольных стихах. Давай обследуем нижнюю. Прочти вечернюю молитву.

1-й монах: - Во имя редкой радуги зимой, высшие силы, обреките меня на спокойствие. Я устала бесплотно бороться, когда каждый отрицает меня. Я вышла из употребления и стала непотребною. Прокляните меня на одинокое выживание. И я выживу, как смогу. Только дайте мне волю стать глупой, тупой и бездарной. Я хочу до конца своих дней тратить свой талант на бесполезные вещи, которые всем бы доставляли радость, кроме детей, стариков и животных.

2-й монах: - Обделенная радостью девочка. Она в отчаянии готова на всё плохое. Поверить сложно, но это так.

1-й монах: - Проверь сам. *(Передает язык своему собрату).*

2-й монах: - Была - не была. Полезай в меня. Спроси что-нибудь.

1-й монах: - Ты хочешь любви?

2-й монах: - Все отвергли меня, потому что я сама создала из себя отвращение. Все женские прелести я повергла в зрительный шок. Они не возбуждают мужчин, не передают им мой шаткий трепет. Меня боятся. А он по сравнению со мной такой красивый и желанный. Я не достойна его. Его красота вызывает во мне боязнь. Меня парализует его близость. Хорошо, что мы расстались. Как было бы чудесно, если бы я никогда больше не видела его в жизни, потому что его следующий взгляд станет последним.

1-й монах: - Не могу понять, ты сейчас плачешь, потому что ты – это она или потому что она тебя разжалобила?

2-й монах: - Откуда я знаю, я это я или она. Отстань со своими вопросами. Я бедная скромная девушка. Не приставай ко мне.

1-й монах: - Что ты? Я не смею.

2-й монах: - А ты посмей. Доставь себе радость.

1-й монах: - Срочно достань язык, а то он тебя доведет до греха.

2-й монах: - А он мне нравится. Я с ним такая смелая и распушенная, вся такая безрассудная и героическая.

1-й монах: - Опомнись, девушка. Где твоя порядочность?

2-й монах: - Не мне тебя учить, молодой монах, как должны себя вести девушки. Ты любишь поэзию?

1-й монах: - Не очень. Отдай язык.

2-й монах: - Не дам. Послушай мои стихи.

Я собирала любовь
Из фрагментов всех снов.
Не хватило пейзажа луны
Из покосов увядшей травы.

Ну, как?

1-й монах: - Красиво.

2-й монах: - А ты думал! Послушай же, юноша, еще.

Не мое... Но воспоминанья приятны...
Мягкий волос и глаза возбуждают.

И лицо там, где рот.

Это было волшебно.

Только кратко. Обидно.

Не завершено совершенно.

1-й монах: - Может, на сегодня хватит?

2-й монах: - Хватит так хватит. Давно я так не веселилась. Но ты еще успеешь выведать у моего языка самое нужное для тебя на сегодняшний пасмурный день.

1-й монах: - Ответ быстрее мне, что я должен делать? Или не делать?

2-й монах: - Ничего. Но самое главное – не проиграй свою жизнь. Тогда ты будешь знать, как ее выиграть.

1-й монах: - Спасибо.

Сцена вторая

Там же

Эхо, два странствующих монаха

Нечаянно ветер приносит Эхо с невнятным пропавшим голосом.

2-й монах: - Ой, кто к нам пришел. Подруга, привет.

Эхо: - ...привет...

1-й монах: - Это ты свой язык потеряла?

Эхо: - ...потеряла...

2-й монах: - А он теперь мой.

Эхо: - ...мой...

2-й монах: - Ошибаешься!

Эхо: - ...ошибаешься...

2-й монах: - Нет, ты!

Эхо: - ...ты...

1-й монах: - Не глумись над ней. Она так несчастна.

Эхо: - ...несчастна...

1-й монах: - Вот видишь.

Эхо: - ...видишь...

2-й монах: - Видишь, видишь. Ты совсем плоха, подруга. Нельзя себя так доводить. Ты уже почти не в себе.

Эхо: - ...не в себе...

2-й монах: - И выглядишь ужасно.

Эхо: - ...ужасно...

2-й монах: - Ты бьешь меня на жалость. Уходи. Тебя видеть я не могу.

Эхо: - ...не могу...

1-й монах: - Она не может уйти без языка.

Эхо: - ...без языка...

2-й монах: - Ага. Считаю, что я ей уже подарила. Зачем такой страшенькой барышне язык? Ты ведь только можешь за мной повторять?

Эхо: - ...повторять...

2-й монах: - Прелестно! Если бы все люди на земле за мной повторяли мои слова. Мои слова! И никаких самостоятельных мыслей, а только мой рефрен, рефрен. Звучит то как: рефрен!

Эхо: - ...рефрен...

2-й монах: - Умная ты моя, иди отсюда. Все будут счастливы без языка. И ты будешь счастлива без языка.

Эхо: - ...без языка...

2-й монах: - Да, да! Без языка! Счастлива, блаженна и радостна! Высшие силы помогли тебе. Всё! Гуляй по родине туда-сюда!

Эхо: - ...сюда...

2-й монах: - Туда!

1-й монах: - Не издевайся над ней! Ты же коверкаешь ее суть!

Эхо: - ...суть...

2-й монах: - Мужчина, успокойтесь. Что вы понимаете в сути?

1-й монах: - Она же не может полноценно существовать без своего языка.

2-й монах: - Подари ей свой. Ты дашь пожизненный обет молчания и больше не будешь терзаться вслух своими мыслями. А она с твоим языком снова будет поражать всех своими откровенными суждениями. Только это делать ей надо?

1-й монах: - Наверное, надо.

Эхо: - ...надо...

2-й монах: - Или все-таки не надо?

Эхо: - ...не надо...

2-й монах: - Вот. Её мысли пусть принадлежат только ей, а вслух достаточно произносить то, что надо другим!

Эхо: - ...другим...

1-й монах: - А знаешь, что даже просто повторять все эти ничего не значащие фразы без языка, только одними коренными зубами – это нестерпимо больно?!

Эхо: - ...больно...

2-й монах: - Вот и хорошо. Кто постигнет боль, тот достигнет небес.

Эхо: - ...небес... (*Уходит на небеса*).

2-й монах: - Подруга, ты куда?

1-й монах: - Доигралась? Доигрался?

2-й монах: - Куда это она? На небеса?

1-й монах: - Ты допустил ее смерть.

Второй монах вынимает язык Эхо.

2-й монах: - Вот тебе и Эхо. Зачем я связался с этим инакомыслящим языком? Вот что значат чужие мысли. Нехорошо. Как близко к нам находятся небеса. Как легко на них попасть. Кто бы мог подумать. (*Швыряет язык в лужу*).

1-й монах: - Мне жутко от нас. Нам присвоили свыше слова, и мы стали чудовищны. Верни мне мои мысли.

2-й монах: - Если бы я мог. Если бы.

Сцена третья

Там же

Нарцисс, два странствующих монаха

Тот же ветер приносит Нарцисса.

Нарцисс: - Мне это не нравится. Ее здесь нет. Вы не видели хрупкую девушку? Безмолвную и тихую?

1-й монах: - Мы видели?

2-й монах: - Да. Видели. А что?

Нарцисс: - Мне это не нравится. Где она?

1-й монах: - Там, где нас нет.

Нарцисс: - То есть, где хорошо?

2-й монах: - Очень хорошо. Можно позавидовать.

Нарцисс: - Мне это нравится, если хорошо.

2-й монах: - Так отправляйся туда же, Нарцисс. Тебе будет хорошо, а всем станет еще лучше без тебя.

Нарцисс: - Это ты о чем?

2-й монах: - О счастье. О нашем счастье! Вперед туда, где хорошо! А мы тебе поможем. *(Руки монаха жестоко бьют Нарцисса).*

Нарцисс: - Мне это не нравится.

2-й монах: - Мне тоже, но это всем надо.

1-й монах: - Да что с тобой сегодня?

2-й монах: - Полная активность солнца. Помогай мне! *(Ноги монаха усердно помогают рукам).*

Нарцисс: - Не надо. Прошу вас. Мне же больно.

1-й монах: - Ему больно.

2-й монах: - А тебе?

1-й монах: - Мне тоже больно. Но боль боли рознь.

2-й монах: - Ты же так хотел быть действенным, активным! Ты хотел совершить достойный поступок!

1-й монах: - Но не такой жестокий! Нарцисс даже не сопротивляется тебе.

Нарцисс: - Какая боль.

2-й монах: - Давай! Вперед! Я разрешаю тебе! Я теперь на твоей стороне!

1-й монах: - Но это совсем не то, о чем я думал!

2-й монах: - О чем тут думать? Бей его!

Нарцисс: - Не надо. Прошу вас. Мне это не нравится. У меня есть оружие. Не вынуждайте его смотреть вам в глаза. Я вас прошу. Не бейте меня. Я не хочу в вас стрелять.

2-й монах: - Получай!

Нарцисс: - Пожалуйста. Я всего лишь искал любовь у этой лужи.

1-й монах: - У него идет кровь. Перестань.

2-й монах: - Отлично! Кровь Нарцисса! Получи и ты свою дозу! Бей его! Ну же!

1-й монах: - Какое ты имеешь право убивать мои чувства?

2-й монах: - А какое имел он право убивать твои мысли?

1-й монах: - Он их не убил. Он, наоборот, помог проявить во мне мои собственные. Мои! Собственные! Мысли!

2-й монах: - Какой он добрый, умный и великий!

1-й монах: - За это я ему благодарен!

2-й монах: - За это я его ненавижу еще больше! *(Усиливает боль).*

Нарцисс: - Побит монахами. О, боги. Как смешно. Как всё это не нравится. *(Падает в обморок).*

1-й монах: - Что с ним?

2-й монах: - Добей его, дурак гнетущий.

Двум маленьким пулям. Это почти вес двух спичечных коробков. В каждой коробке шестьдесят чувств, которые сгорают все сразу. И так мало весят. А еще наши жизни очень быстро отлетают. Скорость пули больше, чем у бабочки, но намного меньше, чем у взмаха ресниц. Именно с такой скоростью душа покидает тело. Ну что? Полетели?

Нарцисс и враг из лужи стреляют.

Как ты сейчас изумительно искажился! Нет. Снова становишься прежним. Таким же прекрасно злым. Почему же мне не больно? Ничего не изменилось во мне. Я такой же, как и прежде живой. Наверное, мы оба промахнулись. Но мне надо тебя убить. Убить. Убить. Убить – значит больше не жить. Тебе. Нет, не мне, а тебе. Ты своим пистолетиком мне не тычь. Я твоего пистолета не стесняюсь. Я не знаю, как тебя зовут, меня Нарцисс, но мне надо тебя убить, потому что тебе надо убить меня. Раз нам это так надо, то давай повторим наш успех и дружно выстрелим друг в друга. Только в этот раз ты лучше целься. Итак, раз, два, три.

Три выстрела тревожат гладь лужи.

Живые... Мы снова живые! Ты меня фраппируешь! Или на войне нынче раздают холостые патроны, чтобы умирали только впечатлительные люди. Нежные. Трогательные. С богатой фантазией... Это было бы пикантно. Кстати, в этот раз твое лицо корчилося дольше, но нам снова не больно. Нам снова хорошо. Я улыбаюсь. Ты улыбаешься. Какая мерзость, боже мой! Может, тебя ранило, и ты, как дурачок, за мной все повторяешь? Тогда повторяй за мной. Я отпускаю тебя, ты меня. Согласен? Да? Согласен. Вот и отлично. Сейчас мы медленно опустим наши пистолеты. Медленно, медленно. Вот так. Теперь каждый уйдет в свою сторону, где его ждет будущее, и больше мы никогда не встретимся в прошлом. Все. Прощай. Пока. Бай-бай. Аривидерчи. Бон шанс. Пакуль. До видзэння. Ауфидерзейн.

Нарцисс отступает немного назад. Враг из лужи исчезает. Нарцисс, постояв немного, снова желает прикоснуться к влаге, где его уже ждут.

Гутен таг... Понимаешь... друг. Пить очень хочется. Посмотри вокруг. Здесь недавно что-то произошло. Я не помню что. Какой-то сильный взрыв, быть может? После него небо так испугалось, что стало бесплодным. Даааа! Оно не смогло потушить пожар, и сожженный лес ждет, когда же небо родит. Ждет, страдает и хочет пить. А я хочу пить еще сильнее. Я так долго искал эту лужу, нашел и понадеялся, что она станет гостеприимной для меня. А ты испортил мою надежду своим завистливым взглядом. Иди домой. Ты еще здесь? Я тебе разрешаю уйти. Не желаешь. Может, ты тоже пить хочешь? Давай пить по очереди. Ты половину, я половину. Идет? Тогда подвинься в сторонку. Можешь первым, я не против. Я подожду немного. Могу даже отвернуться, если ты такой у нас чувствительный. Не выпей только все. Оставь и мне что-нибудь. Надеюсь, ты не стреляешь порядочным людям в спину.

Нарциссу становится смешно.

Знаешь, что меня так веселит? Человек так устроен, что не может видеть собственную спину, а твое дурашливое лицо может! Правда, смешно? И так несправедливо не видеть всего себя и целиком видеть другого. Странно. Ты уже напился? Теперь я. Почему ты такой медленный? У меня мало времени. Подвинься. Правее. Левее. Ну что ты смотришь на меня так требовательно? Да, твой взгляд выдержать трудно. Не смотри на меня так. Ты

мог бы пить в другом месте лужи? Меня смущают твои губы. Перестань. Ну, перестань... Мне не до игр сейчас. Да ну тебя!

И Нарцисс закрывает глаза, чтоб исполнить мечту.

И Нарцисс открывает глаза, чтоб увидеть глаза.

Я не могу понять: это я пил или ты поил меня своими губами? Было вкусно. Никогда бы не подумал, что лужи бывают такими сладкими. Я хочу еще...

И повторяет.

Тебе тоже нравится здесь пить. Ты разбираешься в лужах. У тебя тонкий вкус. Или все дело в губах? Помолчи. Я хочу догадаться сам. Я и раньше жил, я и раньше пил воду, но только сегодня я почувствовал вкус воды. Воды из грязной простреленной лужи. Лужа, может, сама и не знала, насколько она хороша, а мы вдвоем дали ей новый смысл. Вдвоем. Скажи, ты знал, что это вода прекрасна только тогда, когда из нее пьют двое, а в одиночестве она отвратна? Как ты догадался? Скажи. Мне это важно. Повтори. Я не понимаю тебя. Пожалуйста, ответь. Плиз. Кали ласка. Прэго. Хэлп ми. Поску. Что же это? Мои губы не читают твои слова. Они, наверное, потеряли слух от песен пистолетов. Почему я не могу разобрать твой безмолвный крик? Что ты так отчаянно хочешь мне сказать? Постарайся говорить громче! Еще громче! Еще! Боже мой, как же мне тебя не слышно! Что же мне делать?

Нарцисс падает в воду.

Стой! Стой! Не искажайся так. Сейчас пройдет первое волнение, и ты снова вернешься. Вот так. Твои нервные волнующие черты собираются в прежний портрет. Как это хорошо. Мы снова живем и улыбаемся. Не делай больше так. Я испугался за тебя. А знаешь, чем больше я на тебя смотрю, тем больше ты становишься для меня красивым. Я уже привыкаю к твоему взгляду. Он становится не опасным, не тревожным, а добрым, знакомым, домашним. Как будто я давно тебя видел, знал и любил. Любил... Я не буду больше тебе угрожать. Хочешь, я отдам тебе свой пистолет? Его придумал лживый создатель, который похитил дочь у своего хозяина. Бери его. Ты тоже хочешь мне дать свой? Нет, он мне не нужен. Не надо. Возьми лучше мой. Раз так, то я разберу его. Смотри. Вот магазин. Это для памяти: возьмите, дружок, и помните. А это затвор. Это, чтоб думать. Вот возвратная пружина, вот затворная задержка для тебя и для меня тоже. Это называется шептало. Его должны носить на счастье. В отличие от моего, носи свое как-нибудь по-другому. Вот патроны. Я хотел дать их тебе, но все они завяли, когда умерла моя война. Говорят, у нее был легкий конец. Сударь, умерла она. Умерла моя война. Поворачивай, мой БТР. Война скоротечна. Она покинула свет. Теперь у нас ничего нет. Кроме нас. Сейчас я тебе все скажу. Сейчас нас никто не слышит. Ты – чудо. Чудо, которое можно увидеть только на дне лужи. Но лужу я не могу забрать с собой, но я могу позвать тебя. Ты хочешь пойти со мной? Если ты согласен, то кивни мне вот так. Ты согласен. Если бы ты знал, что ты сейчас сделал для меня! Пойдем. (*Нарцисс идет, но один*). Так, где же ты? Пойдем. Что ты там делаешь? Ты передумал? Так чего ты боишься?

(*Нарцисс возвращается к луже*). Ты весь покраснел. Чего ты стыдишься? Это кровь. О, боже. Ты ранен. Ты истекаешь кровью. Как тебе помочь? Уйдем вдвоем быстрее. Нас здесь ничто не держит, и тебе нельзя здесь оставаться. Не тревожься о будущем. Я не обману тебя, потому что влюбленные не умеют обманывать. Они могут делать или глупости или великие дела. Меня из-за любви тянет на подвиг. Я не боюсь совершить его,

я делаю это с радостью. Я так радостно даже не отдавал приказы, как сейчас радостно я хочу захватить тебя целиком. Дай мне свою руку. Ты чувствуешь мою уверенность? Да? Я люблю тебя. Ты веришь мне? Тогда пойдём. (*Нарцисс идет, но один*). Ты не веришь мне. Я ничего не знаю о красоте, но если я об этом говорю и восторгаюсь ей, значит, ты поистине красив, и я понимаю твою прекрасную сущность. Я никогда не испытывал чувства любви, как и чувства дружбы, веры, умиления, но я уверен, что то, что сейчас испытываю я, называется любовь. Под тяжестью твоей красоты у меня хрустят пальцы, мерзнут уши, чешется нос. (*Нарцисс снова возвращается к луже*). Как же мне доказать свою любовь? Красивые люди должны сразу чувствовать ее силу, мощную страсть. Я действительно тебя люблю. Я так сильно тебя люблю, что готов выпить всю твою влагу, кровь, слезы, сок, воду, мочу, нектар. Только так я могу доказать. Я выпью тебя всего. До самого дна.

И Нарцисс испивает всю лужу.

Я никогда не испытывал сильнее ощущений. Как будто я убил смерть. Как будто теперь я буду жить вечно. Куда же ты исчез, друг мой? Если мое сильное желание причинило тебе боль, прости меня. Если люди умирают от войны, они могут умереть и от любви. Куда ты спрятался от меня? Не исчезай надолго. Мне больно. Вернись. Не насилуй мои мечты. Они еще так свежи и интересны. Я буду ждать тебя на этом месте, пока наверху не разрешат небу родить новые лужи. Тогда я снова увижу тебя. Надеюсь, что ты меня слышишь сейчас: ты красив как Бог, и как Бог ты недосягаем, но я достану тебя! Я дождусь тебя, как бы долго и больно мне ни было. Я постиг свою боль – я достиг тебя.

В позе смиренной замирает Нарцисс, чтобы исполнить обещанное.

Сцена пятая

Там же

Нарцисс, первый странствующий монах

Монах подходит к Нарциссу.

1-й монах: - Нарцисс остался ждать свою последнюю любовь. Она не приходила, но и не вызывала жажду, голод, мысли. Наконец, когда отведенное время потеряло всякий смысл, Нарцисс увидел серого волка с большими глазами. И хотя большие глаза даны волкам, чтобы лучше видеть, этот волк не поверил им. Он близко подошел к Нарциссу, чтобы убедиться в своих чувствах. И тогда Нарцисс в больших глазах животного увидел отражение своей последней любви. Нарцисс страстно обнял волка, и серый волк поддался его нежности и навсегда полюбил человеческое мясо. (*Монах закрывает Нарциссу глаза*). Как хочется пить. Здесь только лужа. Моя лужа. Ох, не пейте, ослы, там, где пили люди. (*Монах наклоняется к луже*). Здравствуй, друг. Как ты прекрасен!

Темнеет. Громко поют влюбленные сверчки. Занавес.